

В.В. Богданов, П.Ю. Черников

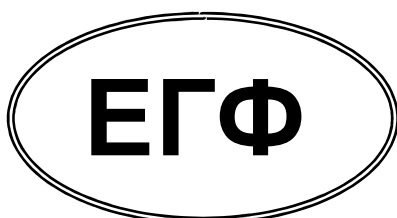
**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

В.В. Богданов, П.Ю. Черников

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2010) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3.4842 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – доктор философских наук, профессор В.В. Попов.

Таганрог 2010

ББК 87.61я73
УДК 1 (091)

Черников П.Ю., Богданов В.В. Диалектические основания социально-философского прогнозирования. Научное издание. – Таганрог: Издательство ТТИ ЮФУ, 2010.- 100с.

Работа предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, интересующихся социальной философией, философией сознания, историей философии.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Технологического института Южного Федерального университета

Рецензенты:

Б.С. Щеглов, доктор философских наук, профессор, декан ТГПИ.

О.А. Музыка, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ТГПИ.

Работа представляет собой анализ социокультурных, априорных и апостериорных оснований социально-философского прогнозирования в контексте теории диалектического противоречия. В работе анализируется эвристический смысл понятия прогнозирования в сравнительной перспективе его применения в рамках естественнонаучного и философского знания.

Работа предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, интересующихся социальной философией и философией сознания.

ISBN 5-7280-0058-10

© Богданов В.В., 2010

© Черников П.Ю., 2010

© Технологический институт Южного
Федерального университета, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Анализ прогностического потенциала философского знания и возможности его осмысления и преобразования в контексте динамично развивающихся социальных систем является актуальной проблемой. Общим местом в энциклопедиях и словарях по философии является констатация того, что «чем динамичнее общество, тем значимее для него становятся прогностические функции философии. Реализуя их, общество как бы зондирует возможности своего будущего обновления и развития»¹. Но наряду с этим вполне обоснованно имеет место и скептическое отношение в рамках традиционной социальной философии к прогнозированию социальной реальности. Это связано с тем, что под прогнозированием понимали род знания о будущем, который в связи с этим соотносили с познавательными рассудочными процедурами. Острота постановки проблемы резко падала, когда осознавалось, что прогнозирование вовсе не имеет непосредственной связи с количественными отношениями и соединением чувственности с категориями. Диагностика социально-исторического организма, предупреждение об имманентно содержащихся в любом содержании следствиях, анализ необходимых условий для реализации закономерных связей вполне вписываются в рационально-дискурсивный вероятностный научный анализ и при этом не переходят в разряд внерационального знания, хотя и используют на промежуточных этапах его элементы.

Это особенно важно в социальной философии, так как в ней как не в одной другой гуманитарной области просматривается точка пересечения онтологического опыта и гносеологического обоснования, их взаимозависимость и симбиоз. Сходные аргументы разрабатывались А.М. Гендиным.² Если прошлое мы оцениваем в процессе его интерпретации, настоящее исходя из непосредственного психологического переживания момента «теперь», то будущее, является спектром возможностей и комплексом вариативности. Находясь за пределами эмпирической данности и рационального опыта, проблема будущего представляет собой попытку сведения к минимуму, а точнее к одному варианту дальнейшего развития

¹ Энциклопедия. История философии. Минск, 2002. С.1144.

² Гендин А.М. Предвидение и цель в развитии общества (Философско-социологические аспекты социального прогнозирования). Красноярск. 1970; Социальный прогноз: диалектика достоверности и вероятности //Философские Науки. 1981. № 3; Общественно-психологические аспекты социального целеполагания //Философские Науки. 1983. № 5; Предмет и основные функции социальной прогностики //Философские Науки. 1985. № 4; Понятие социального будущего и его методологическое значение для прогнозирования //Методологические вопросы общественно-исторического предвидения. Проблемы социального прогнозирования. Вып. XI. Красноярск. 1986; Методологические ориентиры современной буржуазной футурологии //Вопросы Философии. 1987. № 3.

событий, исходя из праксиологических, ценностных ориентиров и личностного императива. К.Эулбертсон воспринимает реальность будущего, как реальное бытие ценностных ориентаций субъекта. Нахождение аксиологической составляющей относительно будущего является «отмычкой» от грядущего¹. Согласно Ю.В.Громыко, «все характеристики будущего представлены в осознании и воспроизводстве той целостности, в которую мы включены самим фактом нашей жизни»². Даже для такого противника социального прогнозирования, как К.Поппер, наш мир – это мир предрасположенностей, которые представляют собой «не просто возможности, а физическую реальность»³. Предрасположенность, согласно автору, имеет аксиологическую природу. Прогнозы, строящиеся в этой парадигме, носят отчётливо детерминистический характер, в их содержании будет присутствовать с одной стороны информация к действию, с другой - обозначен конечный результат. Эта траектория чётко показывает, каков предел наших возможностей относительно преобразования грядущего. При этом для подобного подхода более необходимо и обоснованно наше наличие, чем наша сопричастность. Поппер соглашается только с прогнозом, который предполагает активное вмешательство исследователя, где определенность и достоверность не исключают переосмысление и оценку конечного результата. Будущее - категория оценочная и прогноз должен носить вариативный характер.

В прогнозировании различают неопределённость истинную (когда не находится однозначный выход из заданной ситуации) и информационную (при которой отсутствуют достаточные сведения об объекте исследования). Определённость выступает в качестве решения, при котором вариативность развития ситуации сводится к минимуму. Избыточную вариативность (als ob) следует воспринимать, как то, что уводит в сторону от постижения того или иного вопроса. Значение неопределённости в прогнозировании сводится к тому, что «сегодня вероятности – это уже не удобный способ согласиться с нашим невежеством... они образуют составную часть новой рациональности»⁴. Более того, неопределённость, согласно К.Ясперсу, является гарантом полноценного социального развития. Резюмируя свою позицию, немецкий философ пишет, что «знание о будущем было бы для нас духовной смертью»⁵.

Будущее – категория оценочная. Критерии, на основании которых оценивается прогноз, представляют собой стартовую позицию для определения целей и задач, стоящих перед исследователем, способствующих выявлению и определению нашего «горизонта ожиданий». Относительно

¹Albertson Cutler. Delphi and the image of the future. Future. Vol 8. № 5. 1976. P. 397.

²Громыко Ю.В. Основная проблема философии развития – имманентность и трансцендентальность //Философские науки. № 9. 2008 г. С. 27.

³ Поппер К. Мир предрасположенностей и эволюционная эпистемология //Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С.185.

⁴ Кейн Р. Неопределённость и свободный выбор //Человек перед лицом неопределённости. Сборник статей. М. 2003. С. 141.

⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. 1991. С. 164.

прогноза выявление и интерпретация критерия носит вспомогательный характер.

Рассмотрение прогноза с учётом философского инструментария сегодня актуализируется в связи со специфическими чертами философского подхода к объекту исследования. Представляется, что методологические принципы философии, её гносеологические предпосылки, проектируемые на прогностический акт, будут адекватной реакцией на «вызовы времени» в период ценностного кризиса общества постмодернистского типа, для которого мозаичность аксиологических принципов стала одним из признаков секуляризованного, постиндустриального общества. Социофилософское постижение грядущего поможет по-новому взглянуть с одной стороны на проблему социального времени, а с другой стороны на новые стратегически важные задачи, которые решаются в рамках футурополитики и футуроэтики. Существенным представляется переход от восприятия будущего, как воображаемого объекта к будущему, как реальной, обоснованной необходимости. Однако этот путь немислим без системного подхода к выстраиванию диалектики ценностей создаваемого человечеством будущего.

В исследовании противоречивой многоуровневой природы современной социальной реальности и анализе возможностей её прогнозирования обнаруживается необходимость отказаться от поиска генетической универсальной модели, позволяющей предусмотреть все возможные варианты развития этих противоречий. Более плодотворным представляется применение для различных уровней анализа социальных отношений предугазательной нормативной модели опережающего отражения динамики социальных противоречий. Данная модель соединяет в себе диалектическую традицию анализа с применением прогноза-предупреждения. Материалом служит анализ динамики противоречий в различных областях социальной системы.

Потребность в предвосхищении будущего, являющаяся в принципе атрибутивной характеристикой человека, становится прогностической составляющей общественного сознания только в метафизике нового времени в связи с осмыслением её в качестве проблемы, неотъемлемо присущей антропоцентризму нового времени. Доминирование в предшествующем информационному обществу социальном прогнозировании механизма экстраполяции связано с фундаментальной потребностью самосознания в социально обусловленной идентификации, которая направляла человека подстраиваться под уже сложившиеся традиции. Метафизическим основанием возникновения нового статуса социально-философского прогноза секуляризованного общественного сознания послужило инновационное изменение социокультурных и аксиологических приоритетов глобализирующегося общества. В современном интересе к прогнозированию проявляется не столько форма кризисного сознания постиндустриальной

эпохи, как это считают многие исследователи¹, сколько необходимая атрибутивная характеристика конвенционально ориентированного общественного сознания. Диалогический характер современного общественного сознания предполагает с необходимостью направленность к вероятному будущему, так как опирается не на шовинизм истины, а на толерантность и плюрализм правдоподобия. Ориентир на будущее, использующего в качестве научной опоры синергетическую парадигму, не даёт однозначности суждений, зато предоставляет востребованный плюрализм выдвижения правдоподобных версий, расширяющий возможность самореализации, и предъявляет особенные этические требования к её субъекту.

Постановка проблемы

Потребность в предвосхищающем знании очевидно непосредственно укоренена как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Большинство форм теоретического освоения социальной реальности прямо или косвенно ориентировано на выяснение оснований и выработку процедур опережающего отражения. Мотивированность прогнозирования социальных процессов многократно возрастает в переходные и кризисные периоды эволюции общества. Поэтому вполне естественными являются ожидания получить от любой позитивной исследовательской программы социального познания обоснованные прогностически ориентированные гипотезы. От социальных дисциплин, позиционирующих свой методологический инструментарий по аналогии с естественнонаучным, вполне оправданно ожидают результаты, воспроизводимые по строго определенным методикам и близкие к тем, которые получают в науках о природе. Однако в социальной философии выделение прогностической функции вовсе не является самоочевидным и общепринятым. Более того, в истории философии крайне редко обращались к теме предвосхищения будущего, в том числе и в период становления исторического сознания. Отрицательное отношение к предвосхищению будущего выражали как представители античной и средневековой мысли, так и представители социальной философии XX века. Правомерность эффективного прогнозирования в рамках социальной философии становится еще более проблематичной, так как речь уже должна идти не о будущем состоянии конкретной страны или социальной группы, а о всеобщем моменте любого общества. Поэтому, несмотря на очевидные преимущества, которые может предоставить эффективный социальный прогноз, особенно в эпохи инновационных изменений, его корректность в рамках философии еще требует своего обоснования. Таким образом, еще ждёт своего часа нечто вроде кантовского исследования границ и возможностей прогностической способности разума.

¹ Асеева И.А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели //Автореф.дисс-ии на соискание уч.степ.доктора философских наук. М., 2009. С.12.

Однако проблемной оказывается не только претензия философского исследования на саму возможность получения обоснованного предвосхищающего знания в отношении той реальности, которая всякий раз создается и изменяется свободной волей и властным решением, не менее дискуссионным является само понятие прогнозирования как особой научной формы предвосхищения будущего. Отсутствие корреляции между объемом понятия прогнозирования и областью его корректного применения порождает вопрос: насколько правомерно объединять в рамках одного понятия «прогноз» такие разные формы теоретического отношения к будущему, как анализ и синтез, интуитивное или даже непосредственное видение будущего, гадание и астрологию, субъективное планирование, моделирование, утопию и антиутопию, дедуктивное выведение следствий, детерминизм причины – действия, априоризм развертывания понятия, экстраполяция на будущее тенденций развития науки и техники, предупреждение возможных ситуаций и т.д. Даже если формально-логическая классификация позволяет соотносить все перечисленные операции с родовым понятием «прогноз», то содержательное различие между ними, очевидно, огромно. В связи с чем может возникать иллюзия, необоснованное ожидание такого результата, который, будучи вполне правдоподобным и даже очевидным в отношении одного объекта, совершенно не определен в отношении другого.

В рамках парадигмы неклассической и постклассической рациональности в отношении социального прогноза проблемным оказывается вопрос о степени влияния само эксперта на осуществление прогноза на практике. В прямой зависимости правомерность социально-философского прогноза находится и от анализа онтологических оснований, на которые опирается исследователь; коренится ли его вопрошание в идее объективных, помимо воли людей существующих детерминант, закономерностей, субстанциальных сущностей истории и общества или последние опираются на конкуренцию субъективных программ, проектов и искусственно тиражируемых типичных функций. Кроме того исследовательский интерес в проблемном поле социальной философии стремительно расширяется в связи с многообещающим переходом в рамках современных проектов «потенциалогии» от вероятностных суждений к альтернативным конструктивистским гипотезам в прогностической деятельности. Этот фактор обещает помочь лучше осознать, какие идеи окажутся жизнеспособными и в дальнейшем будут трансформироваться и аккумулироваться.

Ранее фундаментальное философское вопрошание об истине эволюционировало в нацеленность на будущее как всеобщую интенцию. Как никогда соответствует прогностической ориентации приоритет диалогичности в обществе коммуникаций, правдоподобия и толерантности, не требующих однозначности субстанциальной истины, предоставляя возможность для плюрализма выдвижения правдоподобных версий, расширяющий возможность быть слушаемым и услышанным, а значит и

дающий почву для индивидуального самоутверждения без необходимости быть специализированным профессионалом. Высокая современная социальная динамика, разумеется, тоже вносит свою лепту, т.к. всё труднее становится успевать достигать глубокой специализации. Потребность сказать своё мнение как никогда находит благодатную почву в бесконечном выстраивании прогностических версий будущего для людей, не имевших ни малейшего шанса быть услышанными раньше, когда ориентирами были истина и доказательность. Субстанция-субъект, принявшая форму самозначимой и самополагающей бытие индивидуальности, трансформируется из универсального трансцендентального субъекта в психологический. Прочно закрепились тенденции психологизации философии. Как следствие – изменяется и статус настоящего. Настоящее в аксиологическом тестировании становится значимо в той мере, в какой оно служит будущему, а не в качестве результата прошлого. Профетический настрой современного общественного сознания и представляет поле для вопрошания о его основаниях в предпринятом исследовании.

Исследованием различных аспектов социального прогнозирования прямо, но чаще опосредованно занимались представители всех обществоведческих дисциплин с начала эпохи становления исторического сознания. Ставший в определенный момент модой и как следствие ремеслом футуризм в этом процессе стоит особняком. Сродни научной фантастике и беллетристике он относится скорее к особой разновидности интеллектуального эстетизма и направлен большей частью на эмоциональное восприятие образов, являющихся следствием авторских дедукций по принципу «als ob». Известный психологический термин «шок» отражает наиболее ожидаемый эффект от произведений этого жанра. Похожие на исследовательские приёмы популярных аналогий, индукций, эстраполяций, абсолютизации условий в совокупности с наукообразным языком и фрагментами научных теорий, вырванными из контекста, вполне соответствующие правилам художественного жанра, направлены на определенный эффект переживания и мало соответствуют традициям неангажированной систематической аргументации и анализа. В связи с чем, работы таких авторов как Дж.Оруэлл, Д.Белл, Э.Тоффлер Н.Негропonte, Й.Масуда, Д.Нэсбит¹, ранее подвергнутые анализу в отечественной исследовательской литературе, не отнесены в диссертации к объектам полемики.

Существуя в качестве культурного феномена и естественной потребности, проблема прозрачности, предсказуемости грядущего была в равной степени актуальна как для индивидуального и личностного конструкта, так и для общественного переживания, распространяясь на обыденное сознание и на творческое осмысление, существуя в рамках мифологической реальности и интеллигентного утопического проекта. Исходя из социокультурных факторов, будущее рассматривают В.В.Стебляк,

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М. 2002. С. 23

Т.Абдуллаев, В.В.Петров, делая это однако без детальной проработки методологии получения предвосхищающего знания, строгого определения и следования понятию прогнозирования, без определения объектов и границ, до которых может обоснованно распространяться такие ожидания.

Ситуация осложняется ещё и тем, что в философской традиции проблема грядущего редко анализировалась сама по себе в качестве феноменологического переживания, являясь чем-то вспомогательным, сопутствующим. Чаще всего будущее воспринималось элементом системности, возникая в связи с анализом настоящего (у Аристотеля и Августина Блаженного), детерминизмом (в исследованиях Г.Лейбница и Б.Спинозы), постижением и разоблачением влияния предсказаний и пророчеств (Ф.Бэкон и Кондильяк), в связи с проблемой эсхатологии (патрология и томизм). Да и в извечном кантовском вопрошании - «Что я могу знать?», «Что мне следует делать?», «На что я смею надеяться?» вполне прослеживается закономерная потребность в постижении грядущего, выступающего в качестве обобщающего и всеобъемлющего антропологического принципа.

Осознанная необходимость в прогнозах, интерес к ним нарастает в XX веке и становится особенно интенсивным во второй половине столетия с появлением Римского клуба, в качестве защитной реакции в ситуации «антропологического поворота», противоречивости и неоднозначности общественных явлений и ускорения будущего. В центре внимания философов и социологов - кризис и «деформация европейского сознания», основания которого ещё не очевидны, когда нивелируется представление о будущем как об улучшенной форме настоящего и под вопрос подводятся социокультурные основания. В этом ключе рассматривали проблему прогнозирования М.Хайдеггер, К.Поппер, Х.Ортега-и-Гассет, Р.Рорти. Осмысление общественного и культурного ландшафта, рассмотрение проблемы будущего сквозь призму его философского и психологического переживания появляется во Франкфуртской школе в трудах Т.Адорно, Э.Фромма, В.Райха. Главным недостатком работ представителей Франкфуртской школы стало сильное акцентирование и рассмотрение идеологической составляющей будущего, его анализ.

В рамках анализа теоретического знания проблему прогнозирования исследовал В.С.Стёпин, который и настаивал на рассмотрении прогноза как атрибутивной характеристики философского знания. Так, по мнению В.С.Стёпина, определённая философская модель мышления может преобразовываться в естественно-научных категориальных структурах. Объясняя особенности подобных предпосылок, он указывает на то, что философия способна создавать необходимые для научного исследования категориальные матрицы до того, как наука начнёт осваивать соответствующие типы объектов»¹. Примерами таких категориальных

¹ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М, 1996 (Сокр. статьи «Философская мысль на рубеже двух столетий», опубликованной в сб. Философия в современном мире //

матриц, обоснование которых появилось только в XX веке, автор считал идеи Демокрита, Лейбница и др. Хотя представляется очевидным, что в рассуждениях Демокрита интуитивная направленность преобладает над доводами, которые были бы основанными на эмпирически проверенных фактах, тем не менее, В.С.Стёпин расценивает данное умозаключение, как предпосылку для возникновения прогноза и применения его в естественно-научных дисциплинах. Полностью соглашаясь с тем, что история философии предоставляет богатый материал для поиска интуитивных предвосхищений будущих научных теорий, всё же представляется слишком расширительным толкованием термина «прогноз» включение подобных интуиций в качестве основания для выделения прогностической функции философии.

Проблему прогнозирования в контексте социальной философии разрабатывали В.И.Пантин, А.Г.Никитина, А.М.Гендин, В.К.Кононов, А.Н.Кочергина, Е.В.Ознобкина, И.Т.Фролова, Ю.В.Сычёв, С.К.Бетяев, В.П.Рачков, Н.И.Храленко, В.К.Канарейкин. На актуальности и перспективности анализа взаимоотношений философского знания и прогноза настаивает Я.Ю.Васильев, утверждая необходимость выработки «понятийного аппарата, способного адекватно привязать неклассическую философскую практику к области прогнозирования»¹. Упомянутые авторы с позиции постулируемого ими системного философского анализа акцентируют внимание на необходимости междисциплинарного синтеза исследований по социальному прогнозированию под эгидой социальной философии усилий всех представителей обществоведческих дисциплин. Между тем остаётся за рамками ответ: на основе каких механизмов и принципов могли быть достигнуты конвенции представителей столь разных по своему методологическому аппарату подходов. Общим местом в названных исследованиях является и преобладание ценностных мотиваций в отношении социального прогнозирования, что представляется уже к концу аксиологически ориентированного 20в. и без того самоочевидным. Сохраняется в отечественной традиции и перекосяк в опоре на диалектико-материалистический инструментарий. Так, А.М.Гендин, анализируя эвристические возможности прогнозирования, опирается на диалектическое соотношение не в качестве общего принципа, а в рамках антитезы достоверности и вероятности.

Ряд авторов наоборот настаивают на узкой специализации проблемы прогнозирования. И.А.Казначеева, И.В.Тумайкин, А.З.Фахуртдинова, Ж.Рапатов, С.В.Пирожков, Г.А.Гольц, А.Н.Петров, Ф.Л.Богородов, Е.Т.Тесля рассматривают феномен социального прогнозирования, как

Философия и жизнь. Научно-популярная серия. Знание, М., 1990. № 11; Творчество культуры и прогностические функции философии // Диалектика научного и технического творчества. Обнинск, 1982.; Степин В.С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.

¹ Васильев Ю.Я. Философия и наука. Эффект Эдипа и его гносеологический анализ // Философские исследования. 2006. № 3. С. 139.

самостоятельную область знания. Большая часть методологических вопросов социального прогнозирования рассматривается в рамках учебных пособий и выстраивается преимущественно на примерах экономического, реже политического прогнозирования разной степени длительности. Общим местом в таких разработках В.В.Косолапова, В.И.Стегня, И.В.Бестужева-Лады, Л.Лавалле, А.М.Гендина, А.И.Храленко, Г.Х.Шахназарова, В.А.Макарова, Н.Н.Моисеева, Г.Г.Малинецкого, В.П.Кохановского, Л.В.Канторовича, С.П.Капицы, В.А.Лисичкина, Э.Янча, В.Г.Виноградова, Г.Эделинга, С.Мелюхина являются индуктивные обобщения и классификации уже имеющихся практик прогнозирования, что позволяет предположить, что фундаментальные теории социального предвидения ещё находятся на уровне частных гипотез. Придающими чрезмерную значимость субъективности характеризуются в исследовании позиции Л.А.Микешиной, А.Л.Никифорова, И.Т.Касавина. Т.И.Ойзерман вообще отрицает возможность долгосрочного прогноза: «будущность человечества принципиально непознаваема»¹, так как люди сами творят свою историю, а творчество непредсказуемо в принципе. Кроме того, стихийная сознательная деятельность людей и развитие научного познания не позволяют говорить о научном же прогнозировании. На непредсказуемости развития общества настаивает и Н.Н.Моисеев.² С.П.Капица, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий рассматривают возможности применения математического, синергетического аппарата прогнозирования по отношению к объектам, изучаемым на основе естественно-научной методологии, практически не упоминая даже о гипотетическом применении его в рамках социально-философского знания.

Периодически имеет место появление сборников научных статей, провозглашающих принципиально «новый» подход к проблеме прогнозирования. Так согласно В.М.Бондаренко все, до сих пор имеющиеся методы прогнозирования эффективны только в краткосрочной перспективе, «на долгосрочную перспективу прогнозировать будущее можно только из будущего»³. Автор обновил в современных условиях интерпретацию классической философской субстанциальной парадигмы, направленности социального движения к «истинной сущности», «природе» «идее», заменив её «высшей целью». Такой подход вполне соответствует традиционной нормативной аргументации. И хотя авторский подход не выглядит столь уж инновационным по своему содержанию, по сравнению с красочным лозунгом-эпитетом его упаковки - «будущее прогнозировать из будущего», представляется, что сама по себе традиционная нормативная составляющая философского знания этим взглядом справедливо выводится из незаслуженной «тени» в поле широких философских дискуссий.

¹ Ойзерман Т.И. Возможно ли предвидение отдаленного прошлого? //Вестник Российской академии наук, 2005. Т.75, №8. С.720-726.

² Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм //Вопросы философии. 1999. №3; Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

³ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.24.

Несмотря на высокий социальный заказ на разработку теорий социального прогноза практически единичны философские диссертационные работы по этой проблематике¹ (И.А.Асеева рассматривает проблематику прогнозирования преимущественно в контексте синкретичного, художественно-образного пророческого опыта; А.В.Маслихин соотносит прогнозирование с телеологизмом аристотелевской энтелехии; Д.А.Козлов проводит синхронный методологический анализ прогнозирования различных политических идеологий современности и прошлого), в то время как редкий исследователь отказывает себе в собственном проекте конкретного социального прогноза.

Природа диалектического противоречия

К понятию диалектического противоречия со времен Г.Гегеля относили так много объектов, что неминуемо возникали различные его интерпретации. К диалектическим относили противоречия, коренящиеся во внешнем представлении, особенные субъективные коллизии, ухищрения аргументации и софизмы, имеющие целью лишь поставить в тупик собеседника, речевые обороты и даже игру слов.

Особенностью мышления является уже заложенная в самой его природе проблема. Мышление всегда первоначально фиксирует в различении, разъединении моменты объекта, которые на самом деле связаны друг с другом. Так семя и дерево видятся совершенно различными, хотя по сути представляют одну и ту же природу. Это различие может доходить до полного противопоставления, хотя на самом деле это лишь различие ступеней, стадий, форм или органических моментов одного и того же, как это, например, зачастую имеет место в противопоставлении души и тела. Человек первоначально убеждён, что ему абсолютным образом противостоит и даже враждебна внешняя природа, как и весь окружающий мир. И понадобится ещё немало времени и сил, чтобы увидеть как себя необходимым моментом природы, так и наоборот, сознавать природу как свой собственный и необходимый момент, своё другое. Та же самая первоначальная кажимость принципиального различия и даже противопоставления обнаруживается в отношении человека и общества. Это кажущееся кардинальным различие не является в собственном смысле слова ошибкой или заблуждением, хотя для сознания это сначала выступает как противоречие. Это противоречие только кажущееся, так как оно зависит не от желания или нежелания субъекта. Оно является необходимым выводом первого этапа развития сознания. Дело тут не в том, чтобы видеть

¹ Маслихин А.В. Прогностическая функция в социальном познании //Автореф. дисс. на соискание уч.степ. доктора философских наук. М.,1997. 33с.; Козлов Д.А. Методология социального прогнозирования в условиях системного общественного кризиса //Автореф. дисс. на соискание уч.степ. кандидата философских наук. Нижний Новгород.,2000. 21с.; Асеева И.А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели //Автореф. дисс. на соискание уч.степ.доктора философских наук. М., 2009. С.10-11.

противоречие между реальным положением дел и его представленностью в сознании и требовать, чтобы либо одно (представление), либо другое (реальность) были истинными. Дело в том, что хотя тело человека в действительности есть несамостоятельный момент целого – мыслящего человека, но первоначально оно с необходимостью должно быть представлено как отличное от его мышления. Познать затем в единстве можно лишь то, что первоначально уже выступило как различное. А это значит, что без различающего рассудка никогда не возникнет соединяющий разум. Поэтому в равной степени верным будет, что дух и тело противоположны для рассудка и если бы это было не так, то рассудок бы ошибался. Как и наоборот, только после прохождения этого первого этапа (рассудочного различения) будет столь же абсолютно верно для разума сказать, что есть единое мыслящее тело и нет в действительности ни тела человека, ни его мышления самих по себе. Таким образом, фиксируем ещё раз, абсолютное различие, противопоставление и несводимость их друг другу (недопущение противоречия) является единственно истинным на первом этапе – рассудка. Это нужно для того чтобы получить определенность (в её основе даже слышится требование поставить «предел») предмета. Только после этого, но столь же необходимо увидеть единство, тождество того, что было различено – в разуме. Только в таком порядке получает положительную определенность диалектика. Отсюда, яснее становится причина многих бесплодных споров, которые уже в зачатке не могли достичь положительного результата. Две спорящих стороны могут просто подходить к предмету с различных ступеней освоения предмета. Один, уже зная о существующих для представления и рефлексии различиях, ищет и находит тождество различенного. Другой, столь же кропотливо, честно и убеждённо только постигает многообразие различного в объектах мышления и настаивает на их несводимости. Это только кажущееся противоречие между их позициями является лишь различием стадий рассмотрения. Каждая сторона права для своего этапа познания, их методы и содержание тождественны друг другу. Однако, совершенно иная ситуация возникнет и противоречия из кажущегося превратятся в реальные, если каждая сторона возведет свою точку зрения в единственно верную и окончательную. Если познавая содержательное единство предмета на этапе разума субъект забудет о том, что пришел к своей точке зрения тождества он через этап рассудочного постижения различия и будет сообщать другим своё открытие, минуя возвращение к рассудочному противопоставлению, он с той же необходимостью, оторвав результат от пути его получения, сам превратит всеобщее в особенное и конечное определение. «Ибо суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть

труп, оставивший позади себя тенденцию. – Точно так же различие есть скорее граница существа дела»¹. Поэтому для него не должно быть обидно заслуженное обвинение в формально-логическом противоречии, так как, разорвав форму с содержанием, результат с путём его получения он говорит противоположное тому, что хочет высказать. Всеобщим, положительно диалектическим, спекулятивным является только такое единство, которое содержит в снятом, подчинённом виде как всё особенное (различие, доходящее до противоположения), так и путь этого отождествления

В равной степени ошибку будет допускать тот, кто лишь начав постигать определенность некоторого содержания, увидев множество различий, закрепляет это своё знание в качестве единственно истинного. На ступени рассудка выводы кажутся особенно прочными, так как они имеют форму достоверности. Эта форма присуща обыденному сознанию и во многом опирается на здравый смысл. А поскольку большая часть мыслительной деятельности человека (кроме той, в которой человек профессионально специализируется) опирается именно на достоверность (чувственную, данную авторитетом и пр.), постольку оторваться от неё, выйти за неё, снять удаётся в лучшем случае в профессиональной сфере. Рассудок крепок в первую очередь своей массовой распространённостью, а значит, его преодоление во многом затруднено психологическими барьерами – нежеланием, «хлопотностью» идти против мнения большинства. А значит, существенной, наиболее удобной для выхода за рамки рассудочного противопоставления оказывается ситуация, когда противопоставление максимально обострено, доходит вплоть до принципиального формализма.

Переходя на единичности, когда абсолютный альтруист в своём неудержимом порыве отдаёт посторонним людям всё, даже самое необходимое для своей семьи, жизни и чести, он справедливо оценивается как эгоист, отождествивший голый односторонний принцип со своим Я, и действующий исключительно ради него. В этой абсолютизации уже нет различия между альтруистом и эгоистом, но главное, в его предельности обнаруживается его голая видимость противопоставления. Поэтому-то Г.Гегель и считал, что в исторические периоды крепости народного рассудка, когда его положения находят удовлетворение и подтверждение в жизни, он доволен собой – в культуре не прогрессирует дух, отсутствует её всеобщее выражение в философии. И наоборот, в эпохи сумеречности повседневной жизни прорастают зёрна разума. Исчезает не рассудок, а видимость абсолютности тех конечных определений, которым рассудок придавал безусловную значимость. Односторонние определения рассудка рано или поздно наталкиваются на то существенное, что лежит в их основании как их истина. Во времена А.С. Пушкина, как и в любые другие, с тех пор как существует человек, этим существенным определением, снимающим видимость самостоятельности всех крайностей духа, явилась идея свободы.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики.- СПб: Наука, 1997.- 800с.-с.20.

Времена отличались лишь способом, сферами реализации свободы и субъектами, которые осознали её существенность.

Ни одно положение, какую бы форму всеобщности, необходимости и доказательности не придавал ему автор не есть истинное без соответствия с целью, которой с помощью него хотят достигнуть, без выявления единичного и особенного содержания, в котором его намерены найти или осуществить. Ярким примером этого являются диалоги Сократа. Сократ вынуждал собеседников высказывать суждения в категорической форме, которые бы обладали высокой степенью очевидности и достоверности, а затем наводящими вопросами приводил их же самих к прямо противоположным утверждениям, причём столь же, на первый взгляд, очевидным. Для всех становилось очевидным, что его собеседники противоречат самим себе. Этим Сократу удавалось показать ограниченность любого, кажущегося очевидным абсолютного принципа, зависимость этих принципов от особенной ситуации. Однако беседы Сократа не выходили за рамки субъективной, отрицательной диалектики, так как таким способом Сократу не удавалось получить главного – истинного суждения или определения.

Поэтому как не казались бы истинными призывы следовать закону, справедливости и чести, сами по себе, они лишь момент, который не существует в вакууме и должен быть реализован в особенной ситуации. Тогда окажется, что в одном случае, справедливым будет равное воздаяние за равное деяние, а в другом, справедливым признают «кому больше дано - с того больше и спросится»; в одном случае следование закону «не взирая на лица» будет абсолютным непререкаемым требованием, а в другом – явное нарушение закона, например потребление чужой собственности – будет признано допустимым, если лицо, лишившее другого собственности, вынуждено было сделать это спасая свою жизнь («право нужды»); в одном случае сообщение правды является шагом к исправлению ситуации, а в другом – сообщение лжи является вынужденной и даже необходимым средством для предотвращения преступления, ликвидации угрозы жизни и т.д. Всё относительно – могут сделать скорополительный вывод слушатели, но и сам этот тезис указывает лишь на то, что предмет вступающий в отношении лишен собственного содержания и имеет свою действительную значимость в чём-то внешнем. Однако об относительном на самом деле мы не могли бы ничего сказать, если бы предварительно не абсолютизировали различие того, что соотносим теперь. Таким образом, формально логическое требование непротиворечивости (недопустимо А и отрицание А) уже требует дополнительных пояснений. Согласно этому принципу мы должны либо признать истинным положение А, либо его отрицание. Но на деле оказывается, что истинность каждого момента зависит от того, к чему его относят, т.е. от третьего, для чего каждый из моментов будет истинным в одном случае, и ложным в другом. «Если, например, умеренность повелевается на том основании, что неумеренность подрывает здоровье, то здоровье есть то последнее, которое признается здесь абсолютным; но последнее тоже не является чем-то абсолютным, так как существуют другие

обязанности, повелевающие подвергать опасности свою жизнь и даже жертвовать ею. Так называемые коллизии суть не что иное, как именно то, что обязанность, которую объявляют абсолютной, оказывается не абсолютной; в этом постоянном противоречии вращается мораль. Для сознания, достигшего последовательности, закон есть вообще упраздненное, потому что он в этом случае сведен со своей противоположностью. Ибо положительная истина еще не познана в ее определенности. Но познать всеобщее в его определенности, — т. е. ограничение всеобщего, появляющееся таким образом, что оно прочно, а не становится случайным, — возможно лишь во всей связи системы действительности... эта иллюстрация нам поясняет определено, каким образом, благодаря мышлению, желающему удержать всеобщее лишь в форме всеобщего, начинает колебаться особенное»¹. Абсолютны не законы и принципы, а то, ради чего они создаются. Поэтому не стоит злоупотреблять латинскими или иными крылатыми фразами и поговорками типа «*Dura lex, sed lex*»², так как они сами требуют своего оправдания в субстанциальном.

Таким образом, пока не выступила сущность как отношение единой природы существенным будет различие и даже противопоставление. Противоположение выступает только для человеческого мышления как устойчивое различие, да и то на определенных этапах его становления. В действительности же существует единство различенного в себе. Но сначала необходимо познать природу этих противоположных моментов, увидеть в них единое содержание, чтобы использовать это различие в интересах целостности этого содержания. В реальности же вся история человеческого общества была свидетельством того, что осознавалось это единство всех человеческих слоёв и прослоёк только тогда, когда в реальности одностороннее обособление их интересов не достигало крайности и не принимало форму наличного бытия, когда распад и антагонизм принимали буквальную внешнюю форму. Правда, из этого не следует с необходимостью, что любое различие должно достигнуть стадии внешней войны, чтобы абсолютно для всех стало очевидно, что человеческие внутренности и жизненные интересы у всех приблизительно одинаковые. Во все времена, от отвлеченных мыслителей до действующих политиков, всегда находились люди, которые осознавали неистинность социального противопоставления. Однако осознать ложность пути и применить активную волю для ликвидации ложного противопоставления, как ни банально, — вещи не просто разные. Даже ставшее ничтожным внешнее противоречие тут же сталкивается с гораздо более сложном внутренним противоречием между чувственностью и психикой, с одной стороны, и рассудком и разумом, с другой. Понимать, что другой человек имеет ту же природу и отдать ему то, что могло бы достаться мне — должно иметь очень веские основания. Теперь уже это противоречие должно быть снято разумом, чтобы вновь увидеть

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2.- СПб.: Наука, 1994.-423с.-с.61.

² "Суров закон, но закон" (лат.)

ничтожность и этого противопоставления. Отмеченное противоречие, как и многие другие с ним связанные будут отдельно рассмотрены уже в отношении человеческой природы и общества.

Самый распространенный способ отношения к различию сторонники диалектики называют конечным, ложным, рассудочным противоречием. Гегель рассматривал его как первое, метафизическое отношение мысли к объективности. «Если определения мышления обременены прочным противоречием, т. е. если они носят только конечный характер... Точнее, конечность определений мышления должна быть понимаема двояким образом. Эта конечность может состоять, во-первых, в том, что определения мышления только субъективны и всегда имеют свою противоположность в объективном, и, во-вторых, она может состоять в том, что определения мышления в качестве вообще ограниченных по содержанию остаются противоположными как друг другу... Пребывать в пределах конечных определений мышления, т. е. в пределах еще не разрешенной противоположности... Определения мышления, которые мы непосредственно преднаходим изолированными, суть конечные определения.. перестает быть там, где оно соприкасается со своим другим и, следовательно, ограничено последним. Предмет вообще есть нечто другое, нечто отрицательное по отношению ко мне. Но если мышление мыслит само себя, то оно имеет предмет, который вместе с тем не есть предмет, т. е. имеет снятый, идеальный (ideeller) предмет; мышление как таковое в своей чистоте не имеет, следовательно, предела в себе. Конечным оно является лишь постольку, поскольку оно останавливается на ограниченных определениях, которые признаются им чем-то последним»¹. Сознание же чаще всего не задумывается о том, что отдельные предметы, которые оно воспринимает через органы чувств, уже не есть вне меня существующие самостоятельно, а есть во мне находящиеся образы. В противном случае, уже на этой ступени простого различия бы выяснилось, что нельзя удержаться на голом тождестве предмета с собой. Один и тот же предмет существует для меня и как полагаемая вне меня реальность, и как моё собственное восприятие. Без этой рефлексии в себя сознание всё соотносит как внешнее.

Такие определения можно встретить в дискуссии о природе общества между атомистами и холистами. Первые понимают под обществом интеграцию, совместное проживание и ведение хозяйства в принципе отдельных людей. Холисты противопоставляют этому подходу понимание общества как целостности, не сводимой ни к качествам отдельных индивидов, ни к их простому сложению (свойства целого шире суммы свойств частей). В таком одностороннем виде определения признавались окончательными, проникающими в сущность социального. Это определения мысли немецкий мыслитель раскрывал через две конечные формы – разность и противоположение.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1974. Т.1. Наука логики.- 452с.-С.132-135.

Разность, непосредственное различие возникает в результате фиксации субъектом понятия или представления без внутреннего отношения с другим, противоположным ему. В результате фиксируется лишь сходство или несходство (инаковость) при сравнении объектов. «Противоречие, которое вообще имеется в предметной сущности, распределяется между двумя предметами»¹. Такое противоречие ликвидируется вместе с предметом или вместе с прекращением рефлексии о нём. Философию же интересует противоположение внутри себя самого, которое и есть движущее противоречие. «Относительно чувственных вещей часто допускают, что такие различные качества совмещаются, но при рассмотрении духовного мира различное преимущественно понимается как противоположное».

Сравнение различного - это широко используемая процедура в естествознании. Этот этап - сравнения и выявления различий - необходим и для философского рассмотрения, но при этом на нём философское исследование не останавливается (необходимо, но не достаточно). Уже категории сходства и несходства предполагают друг друга (говорить о сходстве можно в отношении того, что в значительной степени различно, и наоборот, выявлять различие имеет смысл у того, что в некоторой степени сходно).

Дальнейшее различие распадается на противопоставление (противоположение) и отношение. Противоположности - это необходимое отношение особенного к особенному. Так, к примеру, причина не предшествует действию, так как причина может обнаружить себя только в действии, и пока это действие не выступило, нет и причины. «Со стороны противоположности одно определяется нами как всецело противоположное другому, например, добро и зло, справедливое и несправедливое, святое и несвятое, покой и движение и т. д. Со стороны отношения мыслится предмет, определяемый по своему безразличному отношению к другому, как, например, лежащее направо и лежащее налево, верхнее и нижнее, двойное и половинное... Каждый из этих соотносящихся предметов существует в своем противоположении и вместе с тем и самостоятельно, сам по себе... Отличие соотношения от противоположности состоит в следующем: в противоположности возникновение одного есть гибель другого, и наоборот. Когда отнимается движение, возникает покой, когда отнимается здоровье, возникает болезнь, и наоборот. Существующее же в соотношении, напротив, вместе возникает и вместе погибает; если устраняется лежащее направо, то исчезает также лежащее налево; если гибнет двойное, то разрушается и половинное». Устраняемое устраняется здесь не только как противоположное, но и как сущее... Второе различие состоит в следующем: то, что существует в противоположности, не имеет середины, например между болезнью и здоровьем, жизнью и смертью, покоем и движением нет третьего. То же, что находится в соотношении, имеет, напротив, середину, а

¹ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа.- СПб: Наука, 1999.- 444с.-С.67.

именно между большим и меньшим серединой является равное, между слишком большим и слишком малым — достаточное. Чисто противоположное переходит в противоположное ему через нуль; непосредственные же крайности существуют, напротив, в третьем, в середине, но тогда они уже не существуют как противоположные»¹.

В исследовании различия (а без такового не получить никакой определенности) можно продвигаться дальше до существенного различия, до противоположности, когда не просто одно и другое, но в то же время своё другое. Это значит, что определение одной стороны возможно только в отношении к другой, через соотнесение с другим или его исключение (т.е. из двух предикатов можно приписывать только один). «Точно так же конечные вещи относятся друг к другу как причина и ее действие, как сила и ее обнаружение, и, когда мы их понимаем, согласно этим определениям, мы их познаем в их конечности»². Признаём ли мы причинный или определяющий характер производства в отношении политики или наоборот, ту или иную форму хозяйствования выводим из господствующих политических отношений, результатом всё-равно оказывается фактическая констатация необходимого взаимодействия между ними. Необходимость рассмотрения единства противоположностей была очевидна уже для пифагорейцев. «Различие вообще содержит обе свои стороны как моменты; в разности они безразлично распадаются; в противоположности, как таковой, они стороны различия, определенные лишь одна через другую, стало быть, лишь моменты; но они определены также и в самих себе, безразличные друг к другу и исключаящие друг друга: они самостоятельные рефлексивные определения. Одна сторона есть положительное, другая же — отрицательное, но первая — как положительное в самом себе, а вторая — как отрицательное в самом себе. Так как самостоятельное рефлексивное определение исключает другое в том же отношении, в каком оно содержит это другое (и потому оно самостоятельно), то оно, обладая самостоятельностью, исключает из себя свою собственную самостоятельность, ибо последняя состоит в том, чтобы содержать в себе свое другое определение и единственно лишь благодаря этому не быть соотношением с чем-то внешним; но столь же непосредственно эта самостоятельность состоит в том, чтобы быть самой собой и исключать из себя свое отрицательное определение. Самостоятельное рефлексивное определение есть, таким образом, противоречие»³. Согласно Г.Гегелю, в постижении противоположностей в их единстве, положительного в отрицательном, состоит спекулятивное или разумно-диалектическое мышление, в отличие от отрицательно-диалектического.

Диалектика в контексте учения о противоречиях была сохранена с некоторой модернизацией в философских традициях экзистенциализма и

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1.- СПб.: Наука, 1993.-350с.- С.238-239

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1974. Т.1. Наука логики.- 452с.-С.137-138.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики.- СПб: Наука, 1997.- 800с.-с.389-390.

герменевтики. Ж.П. Сартр ("Проблемы метода", которую затем включает в свой капитальный труд "Критика диалектического разума"); П. Рикер рассматривал диалектику как умение вписать объект в различные, чаще всего противоположные (контрарные) смысловые контексты, которые противостоят друг другу как бинарные оппозиции, после чего проводится ситуационный анализ, в котором «мышление как бы постоянно совершает "челночное" движение от объекта к одному "горизонту", от него к другому и снова к объекту. Отсюда и название метода как прогрессивно-регрессивного или конструктивно-деструктивного»¹.

Атрибуты диалектического противоречия

Одна и та же пара понятий может быть ложной и истинной противоположностями. Ложной для диалектики будет противоположность, если за ней признают самостоятельное бытие или устойчивое представление (Противоположностями представления будут, например, борьба и мир) Истинной является противоположность, если сознанию удаётся «удержать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате». Диалектическое противоречие есть только там, где есть отношение. А отношение есть только между тем, что имеет единство. Для внутреннего отношения нужно внутреннее единство. Поэтому внешнее соотнесение обособленных предметов по субъективно выделяемому признаку даст лишь неподвижное внешнее противоречие. Внутреннее же отношение хотя и содержит то, что сознанием может быть отделено, само по себе не может существовать – а это уже противоречие. Для рассудка же «если дух свободен, то он не подчинен необходимости; и, наоборот, если его воля и мысль определяются необходимостью, то он несвободен; одно, говорят, исключает другое». Диалектическое же понимание «состоит в том, что дух свободен в своей необходимости и лишь в ней находит свою свободу, равно как и, обратно, его необходимость зиждется лишь на его свободе... Но свобода может также быть абстрактной свободой без необходимости; эта ложная свобода есть произвол, и она есть именно поэтому противоположность себе самой, бессознательная связанность, пустое мнение о свободе, лишь формальная свобода»².

- Такое чувственное условие как время есть прямая противоположность разрешению противоречия – постоянное возобновление, а не разрешение противоречия

- Чем ниже ступень развития объекта, тем менее видна мера. Для диалектического противоречия нужно становление (опосредование), а не просто изменение (2 шага вперёд – 2 шага назад), интерес представляет

¹ Яковлев В.А., Суркова Л.В. О востребованности диалектики в эпоху постмодернизма// Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем. М.-Томск.: РАН, 1999.- С.15.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1.- СПб.: Наука, 1993.-350с.- С.90

отличие не просто от другого, а от своего другого. Каждое особенное существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его противоположное, отрицание самого себя – тоже противоречие. Во всякой противоположности содержится единство и поэтому всякие противоположности способны к примирению. Первая и третья категории – всегда положительны, вторая – всегда отрицательна. «Третье есть непосредственное, но непосредственное благодаря снятию опосредования, простое через снятие различия, положительное через снятие отрицательного, понятие, реализовавшее себя через инобытие, слившееся с собой через снятие этой реальности и восстановившее свою абсолютную реальность, свое простое соотношение с собой... «Третье есть непосредственность и опосредствование» или: «Оно есть их единство»... в качестве этого единства опосредствующее себя с самим собой движение и деятельность»¹.

-тождество есть единство единства и различия, бытия и определения, если говорят о тождестве без различия, то говорят только о различии. «Моменты рефлексии — тождество и различие; различие — отчасти как разность, отчасти как противоположность»².

- Философию же интересует противоположение внутри себя самого, которое и есть движущее противоречие.

- Противоположности представления и рассудка переходят друг в друга (позитивное и негативное), диалектические противоположности (Г.Гегель часто называл их абсолютными) – «светятся одна в другой». Объективной может быть и мысль, если она соответствует природе объекта, равно как субъективной может быть внешняя вещь, которая разрушается вследствие её неудовлетворительного изготовления, «объективна и та воля, в которой есть истина». «Если взять самые тривиальные примеры: верх и низ, правое и левое, отец и сын и т. д. до бесконечности, то все они содержат противоположность в одном. Верх есть то, что не есть низ; определение верха состоит лишь в том, чтобы не быть низом; верх есть лишь постольку, поскольку есть низ, и наоборот; в одном определении заключается его противоположность... Отец и вне соотношения с сыном есть нечто самостоятельное, но в этом случае он не отец, а мужчина вообще; равным образом верх и низ, правое и левое суть также рефлексированные в себя, суть нечто и вне соотношения, но [в таком случае] они лишь места вообще. — Противоположные [определения] содержат противоречие постольку, поскольку они в одном и том же отношении соотносятся друг с другом отрицательно или снимают друг друга и безразличны друг к другу. Представление, переходя моменту безразличия этих определений, забывает в нем их отрицательное единство и тем самым оставляет их лишь как разные вообще... Внешняя рефлексия сопоставляет эти два определения внешним

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики.- СПб: Наука, 1997.- 800с.-с.766

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики.- СПб: Наука, 1997.- 800с.-с.406.

образом и имеет в виду лишь их, а не [их] переход, который составляет суть и содержит противоречие»¹.

- Противоречие не только в сознании, но и в мире. Различие в том, что живое и дух может переносить противоречие, а в мире оно ведет к разрушению объектов.

- Сократ вынуждал собеседников высказывать суждения в категорической форме, которые бы обладали высокой степенью очевидности и достоверности, а затем наводящими вопросами приводил их же самих к прямо противоположным утверждениям, причём столь же на первый взгляд очевидным. Для всех становилось очевидным, что они противоречат самим себе. Этим Сократу удавалось показать ограниченность любого любого, кажущегося очевидным абсолютного принципа, зависимость этих принципов от особенной ситуации. Однако, беседы Сократа не выходили за рамки субъективной, отрицательной диалектики, так как таким способом Сократу не удавалось получить главного – истинного суждения или определения. «Если твердо установлено и предпослано, что собственность и человеческая жизнь должны существовать и что их следует уважать, тогда совершение воровства или убийства будет противоречием; противоречие может быть лишь по отношению к чему-нибудь, что есть, к содержанию, которое заранее составляет основу в качестве незыблемого принципа. Лишь в сопоставлении с таким принципом поступок либо соответствует, либо противоречит ему. Долг же, который надлежит хотеть выполнить просто как таковой, а не из-за его содержания, формальное тождество, состоит в том, что исключается всякое содержание и определение»². Поэтому смысл субъективного или объективного в воле должен быть в дальнейшем каждый раз понят из контекста, указывающего, какое положение они занимают в соотношении с тотальностью

- Легче всего «обнаружить это противоречие в движении, ибо в движении противоположности положены не раздельными также и для представления»³. Любое определение и понятие содержат различия, которые будучи существенными осознаются как противоречащие, но в тождестве противоположных определений в снятом виде сохраняется и различие между ними. Диалектически делает противоположности их конечная природа. Противоположности могут не замечаться представлением и рассудком, так как их единство еще не стало внешним, но «каждый объект по своему понятию находится в противоречии с собственной односторонностью своего существования... противоречие, которое должно быть разрешено, должно перейти в некий результат»⁴.

-Противоречие – характеристика конечного вообще, толкающая его к деятельности. Противоречие всегда первоначально выступает как

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб: Наука, 1997. 800с. С.399-400.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990.— 524 с.-с.176

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1.- СПб.: Наука, 1993.-350с.- С.278

⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики.- СПб: Наука, 1997.- 800с.-с.557, 668

противоречие сознания, которое обычное представление в мире не сознает. В общих определениях непосредственно обнаруживается противоречивое. В простоте нет противоречия.

- Неразрешимым для диалектики является противоречие только в том смысле, что оно постоянно разрешается и вновь воспроизводится, как например, борьба между нравственностью и чувственностью. Диалектика начинается не там, где выделяют противоположные тенденции, а потом ищут их единство, которое всегда уже предполагается внешним, не там, где рассудок чередует «единство» с «борьбой», а с того момента, когда само противопоставление постигается как необходимая форма единства. Ни одни противоположности в результате их снятия меняются другими, а одно и та же необходимость удержания единства в его различии меняет свои формы, отрицательна по отношению к любым своим формам. Фрагментарно эту мысль иллюстрировал Ф.Энгельс: «жизнь точно так же есть существующее в самих вещах и явлениях, вечно создающееся и разрешающееся противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»¹.

Иногда диалектические противоречия пытаются подвести под принцип дополнительности Н.Бора. «Наверное, можно сказать, что челночная (неклассическая) (В.Б.Сартра) диалектика вполне коррелируется с принципом дополнительности Н.Бора, согласно которому, для того чтобы максимально полно познать элементарный объект, необходимо менять приборные ситуации (смысловые контексты)»². То что последние называют термином диалектика в нашем рассмотрении отнесено к отрицательной рефлексии, т.е. только первому моменту процесса.

Разрешение (снятие) диалектического противоречия

Особое значение для диалектического рассмотрения представляет анализ разрешения, снятия противоречия.

Рассудочная диалектика рассматривает противоположное как просто разное, без синтеза, изолированно. Принцип дополнительности Н.Бора, который всё чаще начинают навязывать социальной теории является примером такого рассудочного рассмотрения. Каждая сторона противоречия (например, положительное и отрицательное) сами являются тем же самым единством противоположностей (единством положительного и отрицательного), при этом само положительное содержит в себе отрицательное и наоборот.

Гегель выделил две формы снятия противоречия: 1) синтез двух противоположностей в третьей высшей категории, для которой обе

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг....- Москва- Ленинград: государственное социально-экономическое издательство, 1931.-с.63.

² Яковлев В.А., Суркова Л.В. О востребованности диалектики в эпоху постмодернизма//

противоположности есть лишь её не существующие самостоятельно моменты, выделяемые только разумом. Здесь моменты сохраняются в меру их истинности. (Например: причина – действие – взаимодействие) (органический принцип). Такое противоречие Гегель называет просто диалектическим; 2) устанавливается отношение включенности и подчинения – субординации одной противоположности другой, снятия одной противоположности в другой: конечное – момент бесконечного, позитивное в негативном. Такое противоречие Гегель называет спекулятивным, положительно-разумным. Собственно спекулятивное состоит в обнаружении мнимости взаимоисключения сторон, утверждает их коррелятивность, их взаимопринадлежность. Это подлинная тотальность (целостность). Гегель обращает внимание на необходимость определять в отношении противоположностей, «не есть ли нечто третье их истина или не есть ли одно из них истина другого»¹.

Для диалектического снятия необходимо такое отрицание, которое сохраняет единичность. Отрицание может быть пустым и бесплодным. Так смерть является пустым, уничтожающим единичность отрицанием. Признаваемое иногда в качестве разрешения противоречия состояние уравновешенности системы, т.е. её покой или когда из двух тенденций одна тенденция, сила полностью побеждает другую не являются диалектическими.

Важнейшая форма снятия – внешнее (другое) сделать внутренним (соответствующим определению духа), т.е. достичь единства с собой через преодоление всего не соответствующего цели духа: «все деятельности этого духа суть не что иное, как различные способы приведения внешнего к внутреннему»² (духу). Только в этой деятельности преодоления дух соответствует своей природе, становится действительным духом, свободным духом. Любая деятельность духа сводима к разным способам приведения внешнего к внутреннему. В обыденном словоупотреблении стало едва ли не показателем хорошего тона – приписывать к чертам «русского характера» потребность «самим создавать себе проблемы, а затем их героически преодолевать». С этим вполне можно было бы согласиться, с той лишь поправкой, что в этом преодолении проблем и состоит всеобщая форма духа – свобода. «Свобода духа, однако, не есть только независимость от другого, приобретенная вне этого другого, но свобода, достигнутая в этом другом, – она осуществляется не в бегстве от этого другого, но посредством преодоления его... Другое, отрицание, противоречие, раздвоение – всё это принадлежит, следовательно, к природе духа... Обыкновенная логика ошибается поэтому, думая, что дух есть нечто, всецело исключаящее из себя противоречие»³. Оно переносится духом потому, что он сам же его и создаёт,

¹ Гегель Г. Наука логики. Т.3. М., 1970, с.186.

² Гегель Г.В.Ф. Философия духа //Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1977. Т.3. Философия духа.- 471с.- С.19.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия духа //Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1977. Т.3. Философия духа.- 471с.- С.25-26.

и, значит, может и преодолеть. В противоречии пребывает всё, что не достигло единства, тождества понятия и существования.

Однако, помимо тех противоречий, которые застаёт человек в мире, он ещё и сам порождает противоречия. Для разрешения противоречий, коренящихся в природе, индивид уже имеет присущий всему живому механизм адаптации и ассимиляции. Большая их часть разрешается не осознано. Иное дело, противоречия, которые человек порождает сам. Именно противоречие с собой вызывает наибольшее страдание потому, что личность не имеет эволюционно выработанного единого механизма снятия таких противоречий. Дар свободы имеет два конца. Он возвышает человека над царством слепой природной необходимости, но он же способен сделать человека самым несчастным существом там, где любое другое живое существо пребывало бы в пассивной удовлетворенности. Всеобщая природа исключительно человеческих ценностей и целей вступает в противоречие с единичностью существования, ограниченностью средств и действий для их осуществления, что способно вызвать душевные страдания, раздвоенность, несравнимые с недостатком пищи. Противоречие, порождённое сознанием, когда человек сам противопоставляет себе нечто как внешнее, по своей природе потенциально наиболее разрешимо, так как порождено им самим, и значит, им самим может быть и преодолено. В отличие от этого, созданного духом противоречия, противоречие природное, как раз, может быть объективно трудно разрешимо уже потому, что иное не всегда доступно человеку. Но чаще всего, всё оказывается наоборот, и разрешение внутренних противоречий оказывается гораздо более сложной проблемой, чем внешних. Всё дело в том, что противоречие порожденное духом, создает иллюзию, из-за которой ищет способ преодоления противоречия там, где его нет. В противоречии, порожденном мыслящим духом, человек сам противопоставил себе нечто как внешнее, вынес противостоящую его деятельности тенденцию вне себя. Ведь это его цели и ценности – его собственный продукт (даже если они заимствованы), а мир существовал и до него. Следовательно, не мир враждебно противостоит субъекту, а, наоборот, субъект противопоставил миру свои претензии. Разрешить противоречие можно путём преобразования внешних отношений, в отношения, соответствующие понятию духа и тем прийти к единству с самим собой. Для человека здесь способа два, и оба они внутри субъекта: либо изменить свои цели в соответствии с возможностями, либо имеющиеся в мире возможности увидеть как орудия, способные (пусть даже через много опосредований) помочь в реализации самоопределения собственного духа. На этот вывод чаще всего уже готово дополнение, ставшее широко известным благодаря тезисам о Фейербахе К.Маркса, – есть и третий способ – изменить мир в соответствии с определениями моего духа. Последнее средство разрешения противоречия особенно пропагандируется политиками, которые как в старом анекдоте, в отличие от учёных, которые несоответствие теории с практикой решают в пользу изменения теории, если мир не соответствует их теории – пытаются переделать мир. Но дело в том, что изменение мира – это

метафора, если имеется ввиду, что кто-то пытается дать ему новые законы. Изменить можно не мир, а соотношение одного конечного существования с другим в мире, которые и дальше будут существовать по тем же законам. И это касается не только материальной природы. В обществе создаётся иллюзия, что достаточно изменить законы и форму правления, чтобы изменилось общество. Однако при этом не поменяется природа власти, самоопределения, самоидентификации, самореализации, этических и эстетических ценностей и т.д. Сделайте это искусственно, и «правильные» законы будут выполняться «неправильно», «умные харизматичные лидеры» вдруг станут править в своих интересах и с точки зрения большинства – «глупо», а демократия как вполне определённый тип политического режима вдруг превратится в «суверенную» специфическую, индивидуализированную, единичную «демократию».

Снятие противоречия духом происходит не во внешнем мире, а в отношении духа, к тому представлению, которое он определил как соответствующее его природе. Изменяются формы, этапы самоопределения духа и степень включенности внешней природы в механизм собственного самоопределения. А законы в обществе (те что «работают») лишь фиксируют то содержание, которое стало естественным для самого самосознания народа. Механизм эволюции сознания народа лежит в его самоопределении. Политическая и законодательная деятельность может лишь ускорить этот процесс, создавая всеобщие предпосылки (а не для отдельных представителей народа) для реализации свободного самоопределения людей или изолироваться от этой деятельности, ожидая пока самосознание народа само достигнет более высоких ступеней свободы. Моисею только на то, чтобы изжить рабское самосознание евреев, выходящих из египетской неволи понадобилось, чтобы вымерло два поколения рабов. Процесс становления гражданского общества, реализующего активную жизненную позицию на свободу естественным путём, без помощи политических механизмов займет тем более продолжительный период.

- Проблему разрешения диалектического противоречия традиционно рассматривают в контексте принципа отрицания отрицания. Противоречие обязательно предполагает возврат к исходному пункту, в гегелевской терминологии это выражается как «отрицание отрицания»: первое «отрицание» является превращением в свою противоположность, «свое другое». Диалектическое развитие формально всегда является в определенном смысле возвратом и удержанием позитивного в старом (логически предшествующем), всегда сохраняет момент непрерывности.

- Возврат к исходному для представления изображают как спираль, в которой с каждым оборотом поднимается выше общий вектор движения, т.е. содержательно противоречивым является уже сочетание возвратно-кругового и линейно-поступательного движения.

- Принципиально важно не рассматривать образное представление в виде спирали или «двух отрицаний» как последовательный процесс смены

состояний объекта сначала в одном направлении, а затем в другом. Оба отрицания в диалектике являются одновременными и являются нашими характеристиками в рефлексии состояния объекта по отношению к разным точкам отсчёта. Первое отрицание в терминах диалектики отрицания отрицания – это момент развития, отражающий качественную, а не временную прерывность. (Краткая интерпретация этих переходов в «Науке логики» Г.Гегеля даётся в следующей лекции)

- Диалектическое разрешение противоречий всегда осуществляется только в отношении одного и того же и причем обязательно существенного отношения. Развитие является выражением противоречия самой сущности.

- Необходимый первый момент аналитического расчленения целого происходит только в мышлении, в нем же происходит и возврат к начальному объекту мысли, но уже обогащенному знанием о единстве различных сторон; в предмете это единство противоположностей – противоречие можно только наблюдать в качестве процесса изменения. То что в мышлении присутствует как противоречие в содержании, в предмете есть всегда, но для наличного бытия предстаёт как движение. Поэтому представляется в корне ошибочной и теряющей всякий смысл распространенная позиция, согласно которой и существует только «гносеологическая форма противоречия, которая не совпадает с объективно реальной и не может быть на неё механически перенесена»¹.

-Противоречие, единство противоположностей (в форме процесса) в предмете существуют не на какой-то стадии развития предмета, а всегда вместе с существованием явления. Это для логического анализа этапы распадаются во времени. Поэтому в обществе не вызревают и разрешаются одни противоречия и возникают другие, а любой исследуемый этап общества, пока оно не погребло, всегда будет этапом воспроизводства и разрешения противоречий. Меняются только в анализе формы противоречий, которые мы обособили от других как наиболее значимые в контексте интересующего нас содержания. Острота противоречий существует не для предметов, а для нас, которые заинтересованы в определенной направленности или скорости изменений, мы же придаем им ту или иную оценочную характеристику в зависимости от цели. Для самой биологической популяции людей любые процессы естественны и соответствуют тому, возможность чего в них заложена.

-Противоречие является сутью любого изменения, а не только развития. В этом контексте не представляется оправданной абсолютизация, расширение процесса развития до положительного (прогресса) и отрицательного (регресса). Развитие предполагает снятие ограниченности предшествующей ступени. Другое дело, что всякое развитие всего объекта в целом или его

¹ Вьяккерев Ф.Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963. – С.14-15.; Нарский И.С. Диалектическая проблематика Канта. – Философские науки, 1974. №5.- С.86-87; обухов В.Л. сущность триадической формы закона отрицания отрицания //Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат, 1983. –С.48 и т.д.

отдельных элементов структуры всегда связано с потерей значимости и угасанием других элементов структуры. Но и развитие одних элементов и регресс других служат общей цели развития целого.

- Противоположности в отношении друг друга в равной степени необходимы, но не равнозначны и не уравновешены (равновесие, устойчивость – само только момент). Одна из них задаёт активность и доминирующую направленность всего процесса

- Снятие противоположностей бытия происходит путём включения их в более развитое определение; снятие существенной противоположности духа происходит включением внешнего в природу внутреннего – в ином, внешнем материальном мире быть у себя, включить внешнюю необходимость в необходимость собственной природы, преобразовать внешнее в действительность, положенную духом, т.е. установлением субординации и приоритета одной стороны. Но при этом не происходит уничтожение другой стороны. Так в своё время мудростью считали умение находить единство между вещами кажущимися различными. Рассудку тут же хочется сделаться как можно мудрее (абсолютизировать единство). Но, приближаясь к этому желанному состоянию «абсолютной мудрости», рассудок вдруг замечает, что когда все становится единым, то теряется и отличие от глупости.

- Преодолеваемая противоположность относится к сущности предмета и потому не может быть уничтожена (без уничтожения предмета), но всегда сохраняется в подчиненном виде в развитом состоянии целостного объекта. Потому и совершается возврат – предмет-то по сущности не изменяется. Корректируется лишь соответствие формы и содержания, сущности и явления и т.д. Но в диалектике это ни в коем случае не может в прямом смысле быть интерпретировано как исторический или ещё какой-то цикл. Это в природном отношении голой необходимости господствуют циклы. Там где есть, господствует свобода – только видимость цикличности. Сколько фантазий породило гегелевское образное сравнение развития со спиралью. (Уничтожение любой самой непривлекательной (антагонистическая противоположность) стороны не имеет ничего общего с диалектикой. Революционный терроризм не может быть оправдан диалектикой. Т.е. если такое происходит, значит различие было только внешним, а по сущности было полностью совпадающим. Ни приведение общества к вымиранию или отчуждению от своей сущности, ни ответное уничтожение узурпатора угнетёнными не является диалектическим противопоставлением в обществе, так как ни то, ни другое действие не относится к сущности общества – свободе. Это один и тот же природный антагонизм какими бы цветами, названиями, направлениями или благими целями он не прикрывался.) Разрешение социального противоречия у Фихте в форме компромисса, «договору между ними», т.е. свободное самополагание волея является самой адекватной формой, в рамках которой общество остаётся в существенном определении свободы.

-Снятие противоположностей фиксируется сознанием только в отношении объекта, обладающего относительной самостоятельностью и исследуемого

под одним и тем же углом зрения. Когда объект подчиняется своей внутренней логике, а не внешнему воздействию и до тех пор, пока эта сохраняемость предмета остается. Возможно этот процесс будет легче воспринимать под названием «трансформация».

- Каждый отдельно взятый этап отрицательности всегда конечен, но в отличие от эволюции живой природы не однонаправлен и всегда может не только привести к развитию, но и вернуться к самому неразвитому состоянию, как и совсем уничтожить диалектический процесс развития общества на отдельно взятой территории, на Земле (опять же в отличие от живой природы, где даже организма часто совпадает с размножением, т.е. включена в эволюционный процесс).

разрешение противоречия у фихте в форме компромисса, «договору между ними», т.е. свободное самополагание воли, а не диалектические механизмы и детерминизм

- Сильная прерывность (скачок) между неживой природой и одушевленной, между несознающей и сознающей жизнью – это переход от противоречий природного основания к противоречиям на основе свободы. Но это переход не столько исторический, сколько логический, так как совершается в обществе в каждое мгновение.

Традицию диалектического материализма мы не смогли представить в качестве образца теоретической разработки проблемы снятия диалектического процесса из-за её некритического следования букве известных классиков и связанной с этим формальной противоречивостью, а потому по-прежнему воинственную: «В наше время трудно себе представить более вредную философскую фикцию, чем идея саморегулирующихся, саморазрешающихся противоречий... будто история всё устраивает к лучшему».¹ При этом эволюция природы такими авторами вполне признается осуществляемой без цели и без Бога.

Диалектика социальных противоречий

Ошибочной и заведомо безрезультатной будет интерпретация диалектического противоречия уже в том случае, если противоположности будут выделяться по одному теоретическому основанию (например, противоположности в государстве в их чистоте в соответствии с основной идеей государства), а в эмпирической реальности будет рассматриваться тот же объект, но лишь по названию относящийся к этому понятию (государства). Так, если основной задачей государства теоретически мы объявим реализацию всеобщего права, а в эмпирической реальности будем рассматривать некоторые группы лиц, обладающие властью и выступающие

¹ Ойзерман Т.И. Диалектика науки //Диалектика и науки: философские вопросы современных концепций развития М.,1986 //историко-философский ежегодник 1987.-М.: Наука,1988.-344с.-С.321.

от лица государства, но в действительности преследующие исключительно частные потребности и не признающие всеобщности права, то в этом случае, во-первых, речь будет идти лишь о природных формах противопоставления (а в природных отношениях возникающие противоречия имеют иную динамику и результат, нежели в духовных отношениях), а, во-вторых, будет нарушаться элементарный формально-логический закон тождества, так как речь будет идти о разных смыслах, вкладываемых в понятие государства. То есть, нет смысла искать диалектику в отношениях с разным содержанием. Если реальный мир мы пытаемся подводить под понятия, мыслимое содержание которых им не соответствует, то противоречие конечно будет, но не в мире и тем более не в связи с диалектикой, а в голове того, кто не уделил внимание формально-логическому закону тождества и ограничился в своём познании его формальной констатацией ($A=A$, государство – «и в Африке» есть государство). Но в том-то и дело, что назваться «жирафом», ещё не значит им быть. Если, скажем, Людовику XIV, как повествуют непроверенные предания, пришло в голову сказать «Государство – это я», то независимо от достоверности этого факта, было бы бессмысленно искать в действиях этого человека внутреннюю диалектику государства. Если этот вывод покажется банальным, а формально-логический закон тождества самоочевидным, то на это можно ответить вполне обоснованно и продемонстрировать бесконечными примерами, которые при желании каждый человек и в своей жизни найдёт немало – самые простые и очевидные истины мышления на деле оказываются самыми нарушаемыми. Прежде чем переходить к диалектике - не мешало бы убедиться в том, что выполнены элементарные (что не значит выполняемые сами собой) принципы рассудка. Без этого условия о диалектических противоречиях можно говорить только при желании намеренно ввести в заблуждение собеседников. А когда будут уточнены понятия и достигнута конвенция о сохранении их объёма и содержания, то может оказаться, что «внутренние противоречия» вовсе не принадлежат исследуемому объекту, а являются внутренними или внешними противоречиями самого рефлектирующего субъекта или тех субъектов, которые принимают активное участие в изменении объекта. В ряде случаев окажется, что противоречия нужно искать не в государстве (так как оно только номинально)¹, а в интересах, целях и методах борющихся за власть кланов; противоречива может быть не политика, а желание выдавать за рациональную политику простую природную форму борьбы вплоть до физического устранения конкурентов и т.д. Разумеется, и в природной борьбе есть свои внутренние противоречия, которые можно обнаружить и даже предсказать их возможное разрешение,

¹ Г.Гегель почти 200 лет назад констатировал ситуацию, которая не многим отличается от нынешней: «Государства находятся скорее в естественном, чем в правовом отношении друг к другу» относятся друг к другу соответственно своей силе». Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика //Работы разных лет в 2т.- М.: Мысль, 1971. Т.1.- С.5-212.- С.54.

но это будут противоречия и логика другого процесса, с другим общим содержанием.

Подходя конкретнее к интересующему нас объекту исследования, под которым мы понимаем общество, и учитывая сказанное прежде, окажется необходимым уточнить онтологию исследуемого объекта, чтобы в дальнейшем не говорить о разных предметах. Поскольку объектом исследования является социум, постольку существенное значение приобретает вопрос о том, какой смысл в онтологию общества вкладывает исследователь. Социальные концепции по онтологическому основанию делятся на атомистские и холистские. Понимать под обществом совокупность отдельных людей или признавать в качестве социума целостность, не сводимую к сумме свойств составляющих его индивидов, - в корне меняет понимание природы и основания возникающих в обществе отношений. Другим основанием для различия социальных концепций выступает принцип, на который ориентирован анализ. Принципиально различные отношения будут дедуцированы из разного антропологического принципа: трактуется ли человек с эссенциалистских или экзистенциалистских позиций. Человек, считающий себя своим собственным проектом, видит иные доминанты и детерминанты, иные крайние члены суждения нежели исследователь, видящий всеобщую неизменную повторяемость человеческой природы. То же самое противопоставление найдём и в концепциях, интерпретирующих общество. Неуясненность одного этого момента способна привести к отсутствию всякой возможности нахождения единой, общепризнанной позиции в отношении причин социальных противоречий и, соответственно, их оценки могут оказаться взаимоисключающими.

Отсюда, необходимо ввести те ограничения, которые мы будем относить к интерпретации общества и его противоречивой природы. 1. В контексте исследования природы социального противоречия в учебном пособии общество будет рассматриваться с холистских позиций, т.е. нас будут интересовать в первую очередь те противоречия, которые возникают не в индивидуальном сознании каждого человека, а исключительно в отношениях между людьми, причем в тех отношениях, которые не исчезают вместе с отдельными эмпирически взятыми индивидами, а воспроизводятся всегда, когда люди вступают в отношение с другими людьми, не связанными родственными отношениями. 2. Мы будем рассматривать только те отношения между людьми, которые регулируются на основе сознания, а не природными детерминантами (инстинктами, силой и т.д.) Это не значит, что природные регуляторы малозначимы. Наоборот, они более фундаментальны, но они являются предметом изучения других, специальных наук – социальной психологии и др. 3. Мы убеждены в том, что преобладающий ныне функционалистский подход, который противопоставил себя субстанциализму классической философии не смог доказать свою самостоятельность и в скрытой форме постоянно использовал практику выделения устойчивых сущностей. Представляется, что сама попытка в

начале 20 века отказаться от фиксации устойчивой природы предмета, и изучать только функциональные (по аналогии с математикой) проявления и изменчивость, оказалась эффективной лишь в определенных узкоспециальных исследованиях. Подобный подход в философии породил лишь произвол в использовании понятий, которые по определению фиксируют существенное в предмете. Поэтому мы будем фиксировать внимание на тех противоречиях общества, которые коренятся именно в устойчивой логике развития социума. При этом мы отдаём себе отчёт в том, что обозначенные ограничения не позволят видеть общество во всей полноте его доминант и детерминант. Однако мы и не будем относить противоречия, относящиеся к единичной природе отдельных эмпирических индивидов, к социальным противоречиям. Индивидуально возникающие у каждого отдельного человека субъективные мотивации всегда влияли на социальный процесс, но никогда не изменяли логику развития общества и никогда её не подменяли. Типизация потребностей, целей и средств складывалась однонаправлено, в то время как отдельные индивиды действовали разнонаправлено. Объективная последовательность этапов возникновения и разрешения противоречий складывалась помимо воли отдельных людей всегда, когда для того или иного направления развития общества складывались необходимые и достаточные предпосылки и условия. Общество как тотальность, целостность, система, действующая в соответствии с всеобщим принципом, получает основания для прогнозирования его последующих шагов. И здесь вполне уместна часто используемая перефразировка мысли К.Маркса, хотя и произнесенная по другому поводу о том, что идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами.

«Если я хочу разумного, то я поступаю не как обособленный индивид, а согласно понятиям нравственности вообще; в нравственном поступке я утверждаю значимость не самого себя, а сути... Принцип современного мира требует, чтобы то, что каждый должен признавать, обнаруживало себя ему как правомерное»¹. Когда в обществе усиливаются призывы уважать человека, а не некоторые абстрактные принципы, то в этом содержится нечто двусмысленное. Люди разные и различны их цели и действия. Призыв «уважать человека», если он хоть что-то должен означать, кроме голой абстракции, направлен на всеобщее в человеке – это призыв уважать в человек то, что делает его человеком. А это обращение к сущности человека – к его свободному самосознанию, которое только и делает из представителя биологического рода существо, использующее природу как средство для реализации свободы. Но главное, эта сущность и есть принцип, который выступает связующим звеном социальности. Все политические средства, правовые нормы хороши только в той мере, в какой они позволяют осуществлять прогресс в понятии свободы. Особенных противоречий в обществе много, но все они сводятся к одному – между всеобщими

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990.— 524 с.-с.80, 353.

принципами и ценностями и частными природными склонностями и потребностями отдельного человека. Любое оправдание политики имеет только один критерий – каждый шаг и каждое средство либо служат реализации свободы всех членов общества, либо нет. Тот факт, что некоторые благие цели осуществлялись дьявольскими средствами говорит, как раз, о наличии этого основного противоречия. Способ реализации целей не являлся свободным, соответствующим целям. Разумное противоречие всегда опирается на одно содержание (свободу), а её моментом выступает необходимость. Говорить, как это часто случается, что для Г.Гегеля история была «историей идей», а для К.Маркса, скажем, «историей способов производства» - это, как раз, и значит схватывать внешние противопоставления. Как будто способ производства имел принципиальную разницу для того человека, который находился в противоречии с самим собой, с собственной потребностью в реализации свободы и реальной невозможностью её воплощения. «Богатые плачут» (находятся в противоречии) не меньше нищих. Способ производства изменяет лишь формы субстанциального для любого человека противоречия. У К.Маркса история докапиталистических способов производства – это та же история несвободы, предыстория человеческого общества. А экономика, производительные силы выступают лишь орудиями, средствами, способами её осуществления.

Дело не в самих лозунгах, их утопичности или реалистичности, а в соответствии целей и средств. Можно обнаружить множество противоречий в обществе, которые выделены авторами в различной иерархической последовательности. Диалектика предполагает их имманентное развитие, исходя из природы человека и общества. Если таковая природа отрицается, то действия приобретают характер субъективного произвола, но субъективного не в смысле нахождения в голове субъекта, а в кантовской традиции – случайного, единичного, конечного.

Основное социальное противоречие – между всеобщностью и единичностью может выступать в любой частной форме, между государственным всеобщим интересом и частными единичными жизненными ценностями или как, например, у Платона – противоречие между общественной справедливостью и индивидуальной добродетелью. Последняя сторона в свою очередь в себе самой является клубком противоречий, самым ярким среди которых является основное противоречие человеческой воли - противоречие между субъективностью и объективностью. «Деятельность воли, заключающаяся в том, чтобы снять противоречие между субъективностью и объективностью, переместить свои цели из первого определения во второе и в объективности вместе с тем остаться у себя»¹. Но лишь по отношению к существенному для природы человека, всеобщему содержанию единичное действие человека соответствует или противоречит ему.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990.— 524 с.- с.89.

Противоречие возникает уже благодаря изменению метафизической установки, которую человек застаёт и ассимилирует в период социализации и выйти из которой он не способен в течение всей жизни. Так установки античного космоцентризма культивируют холизм и игнорируют личность и индивидуальность. Установки теоцентризма создают массу ограничений для выработки активной теоретической исследовательской деятельности, но они дают человеку ощущение гармонии с собой, если человек опирается на авторитет святого Писания. И наоборот, антропоцентризм Возрождения создаёт почву для свободной исследовательской деятельности, требует принимать только те истины, которые прошли проверку собственной субъективности, но лишает исследователя прочных абсолютных критериев истинности его вводов.

Следствия развития противоречия становятся очевидны во всех сферах общественной жизни. Всё больший рост частного производства сталкивается с противоречащим ему отставанием в покупательной способности, и тем самым останавливает собственную тенденцию к росту. Невнимание к обслуживающей сфере услуг представителям управляемых и рост в их числе безответственных полуобразованных специалистов порождает сокращение собственных возможностей управляющих получать квалифицированные услуги и помощь. Различие возможностей по степени приближения к управлению приводит к необходимости изоляции от неблагоприятных и становящихся малоответственными управляемых на «островках равных удачников» и т.д. (Противопоставление управляющих, а не государства имеет смысл там, где сильно противоречие права и его осуществления. Т.е. если государство исходит не из объективного права, а из интересов, то это не государство, а группы, с неоспариваемыми властными полномочиями. «Если народ может заблуждаться, то еще гораздо больше может заблуждаться отдельное лицо, и оно должно сознавать, что оно может заблуждаться и еще в гораздо большей мере, чем народ»)¹.

Вопрос о сценариях развития противоречий не является благодарным вопросом. Не важно как будет проходить это обострение. Важно в какие сроки оно будет происходить до полного вызревания, а и то для отдельных субъектов. Чем больше создаётся иллюзия возможности сохранять *status quo*, тем большие потери понесёт заблуждающаяся сторона после их вызревания. Это внешние для понятия свободы противоречия, не относящиеся к её сущности и потому они не относятся к диалектическим. Его итогом является вскрытие видимости, сходное с самоуверенностью «человека, делающего что-то со всей серьезностью, и получающего всегда противоположное тому, к чему он стремится»². Подобный курьёз описывает Аристофан в своей комедии, когда отец помогает научиться сыну с помощью Сократа отрицанию объективного права и свободы и утверждению субъективного произвола под видимостью права, в результате чего это научение и образ

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2.- СПб.: Наука, 1994.-423с.-с.80

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2.- СПб.: Наука, 1994.-423с.-с.68.

действий оборачивается против самого отца и для него создаётся та же обманчивая видимость свободы. У человека двойственные основания деятельности – нравственной свободы и чувственного произвола. Если во всеобщность возводится и культивируется последняя, то нет оснований надеяться, что вырастит иное, нежели посеяли и вскормили. Но в том и преимущество живого и духа, что оно способно выносить противоречие. «Чувственное, ограниченное, конечное есть на самом деле как само же оно, так и другое, которое также признается существующим. Оно, таким образом, есть неразрешенное противоречие, так как в нем обладает силой другое, чем оно само»¹. Диалектика направлена против конечного, особенного, вскрывает в нем общее.

Само по себе то, что определенная ступень в обществе не является прогрессом свободы и может показаться, что является непреодолимым препятствием, свидетельствует о том, что противоречия воспринимаются лишь субъективно. К примеру, если в определенном обществе народ только начал осознавать свою свободу, прошедший все стадии социализации в условиях и определениях несвободы, скорее всего будет видеть лишь формальную сторону изменения, т.е. несвобода приобретет для него лишь другую форму отчуждения – политическая несвобода преимущественно будет выступать в форме экономической несвободы. Хотя для физического существования человека это может иметь значимость, но для сущностной стороны – свободы, её объективных форм в виде собственности, права, нравственности, это изменение будет сменой одной формы отчуждения от своей сущности другой. В такой ситуации различие продолжает выступать и обостряться до противоположения интересов управляющих и управляемых. Складывается видимость того, что этот процесс в природе общества и потому не может быть преодолен, что автоматически выражается в отсутствии интереса к реформам в силу неверия в её положительный для управляемых результат. Когда правящие одной рукой дают (создают предпосылки для свободы), а другой забирают, то создаётся видимость того, что этот процесс бесконечен или, по крайней мере, не может быть изменён в обозримом будущем. Человека же мало интересует в силу его конечности перспектива дальше, чем поколение его наследников. В этой ситуации в противоречии находятся обе стороны, обе способствуют его обострению, но одна сторона – пассивно, а другая – активно. Со стороны управляемых противоречие воспроизводится путём перевыборов тех же самых правящих лиц. Обыденное сознание людей действует по принципу «не навреди», так как на собственном опыте убедилось, что правление бывает и более худшим. Поскольку же уже известные методы правления хотя и не были удовлетворительными, но были небольшим прогрессом по сравнению с предыдущими, а деятельность новых лиц не предсказуема, то, руководствуясь интересами частного благополучия, население голосует за меньшую из зол. Со стороны управляющей стороны так же отсутствуют

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2.- СПб.: Наука, 1994.-423с.-с.158.

субстанциальные основания свободы и действия подчинены субъективному интересу сохранения существующего положения дел, способствующего реализации интересов частного благополучия. Противоречие не только воспроизводится, но и обостряется тем, что полюса поляризуются. Но у правящих и управляемых уже исчезла общая почва, так как свобода приобрела особенную форму политической власти и имеет отношение только к одной стороне – правящим. Активный полюс искусственно обособивший своё бытие не пребывает внутри себя в мёртвом покое, теперь он уже сам порождает в своём классе эти противоположности, но на другом основании – внешней власти. Уже внутри самого правящего полюса вызревают правящие и те, кому разрешают править. Теперь противоречие и вне, и внутри. Последние теперь имеют своими временными союзниками управляемых, но не претендующих на власть.

У управляемой стороны также вызревает внутреннее противоречие, сторонами которого оказывается субстанциальная потребность в свободе духа и фактическая невозможность её реализовать в связи с необходимостью физического выживания на уровне тех стандартов, которые внешним образом навязываются им управляющими с целью реализации продаваемого ими товара. Поскольку у управляемой стороны так же есть общее основание, хотя и выступившее в опредмеченной форме собственности (товаров), источников комфорта, то одна часть погружается в это внешнее приобретательство, таким образом реализуя потребность в наличном бытии свободы, а другая переносит свою внутреннюю неудовлетворенность на внешний источник их дисгармонии – иноверцев, иностранцев и т.д. В обеих группах противоречия становятся всё более внешними, а значит всё более ведут к разрушению status quo.

Выходом из этого всё более запутывающегося клубка противоречий являются два – смягчать внешние противоречия (мерами укрепляющими самооценку и благополучие всех взрывоопасных сторон) или концентрировать внимание на внутренних противоречиях, т.е. обратиться к исходному основанию – все действия и цели подчинить субстанциальному – реализации свободы, с неминуемым самоограничением правящих и созданием предпосылок для самоорганизации управляемых в гражданском обществе. Однако различные народы при наличии сходных исторических оснований движутся разными путями. Разрешение противоречий приобретает бесчисленное многообразие форм.

«Снятое различие, продолжающее существовать в единстве, есть противоречие, которое снимается тем, что различие полагает себя как различие (В.Б. с внешней природой)»¹. Сначала было снято единство, затем отличная внешняя природа потребляется и вновь соединяется в единство с живым. И вновь возникает единство вместе с содержащимся в нём противоречием. Это бесконечное повторение противоречия преодолевается

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия духа //Энциклопедия философских наук.- М.: Мысль, 1977. Т.3. Философия духа.- 471с.- С.18.

тем, что другое будет равным первому – другим живым – отношение полов. Другое существо и иное и тождественное первому. Содержание у меня и другого субъекта одно и то же. Самосознание противопоставляет себя другому самосознанию и в нём приобретает объект для преодоления, который тождественен с ним и одновременно самостоятелен. В обществе активная деятельность субъекта, направленная на объект (другого субъекта), наталкивается на столь же активную деятельность в отношении первого субъекта. Поэтому, политический лидер, группа (субъект), воздействуя на народ (объект) сам оказывается результатом деятельности этого народа (объектом) – «короля делает свита». Самосознание – не бытие, а деятельность, снимающая противоречие. Снятие в обществе осуществляется через ассимиляцию на всех этажах и закоулках общественного сознания.

Всеобщие идеи становятся базовым регулятором частных идей, когда последние встречают затруднение. В результате те, кто по должности должен реализовывать всеобщее занят устройством частной жизни, и наоборот невозможность у населения реализовать частные интересы возрождает интерес к всеобщим идеям (свободы, справедливости). Последняя интересует людей только тогда, когда она нарушена. Соответственно, в отношении тех, свободу кого нарушить трудно, их внимание к этой идее в силу её «естественного» наличия крайне незначительно. Это кажется замкнутым кругом, так как реализовывать всеобщую свободу будет заинтересован тот, кто её не имеет, но если последний займёт общественное положение, которое предполагает реализацию свободы естественным образом, у него пропадёт интерес к её воплощению. На самом деле закрепление подобных выводов и будет с точки зрения диалектики односторонней метафизикой рассудка. И достоинство диалектики не в том, что она якобы придерживается неких абстрактных схем (тезис – антитезис – синтез), а в том, что она признаёт видимостью любое закрепление принципа вне его содержательного наполнения и отнесенности к общей сущностной природе (человека и общества).

В обоих случаях форма не соответствует содержанию. Частные человеческие потребности реализуются в гражданском обществе. Всеобщие правовые интересы отстаиваются в политике. Соответственно, если нет гражданского общества - его пытаются компенсировать властью. Если есть – система стремится к равновесию и энтропии. Но это естественнонаучный подход, для диалектики общества каждый момент отягощен противоречиями между волей и разумом, чувственностью и рассудком. Относительное равновесие между слоями и классами общества – лишь видимость, за которой скрываются противоречия внутри групп и в самих индивидах. Поэтому нет необходимости в выдумывании разновидностей «энергетических импульсов для толчка этногенеза», как это делает Л.Н. Гумилев, тем более их не нужно искать вне общества (в космосе и т.д.). Кому есть, что терять, пассивны только в начале развития противоречия. Потребительское общество само по себе, понятое как погружение в «мир потребностей» не является автоматическим отчуждением

духа от своей истинной природы. Потребности в отличие от субъектов не проявляют активности и потому могут быть доведены до уровня духовного самоопределения.

Социокультурные основания становления прогностической потребности общества

Отношение к предвидению, предсказанию будущего не было однозначно определенным ни в одну историческую эпоху. С одной стороны, позиции мыслителей были существенно предопределены господствующим в ту или иную эпоху типом мышления. Мыслитель находился всегда в рамках господствующей метафизической установки и соответствующего восприятия модусов времени. С другой стороны, погруженность в соответствующее социокультурное пространство ещё не влекло необходимости однообразия рефлексии по всем аспектам интерпретации бытия, равно как не приводило к согласию в отношении континуальности связей всех его атрибутов.

В античном космоцентризме субъект погружен в природу, мыслит себя в рамках её целостности и целостности полиса, через него природа и полис познают свою определенность, не дифференцирована от онтологии гносеологическая проблематика, актуальный мир в принципе конечен как в отношении пространства, так и времени. Человек соответственно не может претендовать на то, чтобы выйти за пределы бытия, чтобы попытаться посмотреть на него со стороны. В античном мировоззрении единый логос установил все принципы и законы для всех сфер бытия, поэтому судьба абсолютна и справедлива для вещей, людей, богов и их мышления. Непотаённость истины для грека не требует никаких процедур, кроме созерцания. Законченность, оформленность и потому единственность мироустройства не оставляет места для вероятностей. Познавательная ситуация обостряется с того момента, когда осознаётся различие между чувственным и рациональным, идеей-сущностью и вещью-явлением. Но поскольку «логический процесс умозаключений отображает природный процесс возникновения и оформления вещей»¹, постольку знание о логосе, правящем человеком и природой, не составляет особой проблемы.

Ситуация изменяется в метафизике средневековья. У Плотина и в «последующей средневековой scientia высшее несоизмеримо с определенным и противоположно конечному». Бесконечное непостижимо для человека в силу ограниченности возможностей его разума. Однако гносеологически недоступное бесконечное в бытии трансцендентного абсолюта содержит всю возможную полноту бытия, которая по воле её обладателя может им самим приоткрываться. Области бытия столь же упорядочены и необходимо соотносены друг с другом. В теологической установке характерной

¹ Аристотель. Метафизика // Соч. в 4 т. М., 1975. Т.1. VII 9, 1034a; Лосев А.Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С.619-623.

особенностью предсказания, как онтологической модели, является разделение понятий «жизнь и судьба». Эти категории «противопоставляются свободе воли и дискредитируют человеческую суверенность, как иллюзию»¹. Провиденциализм представляет явление фаталистического характера и характерен для воззрений Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Основное содержание этой парадигмы сводится к тому, что функционирование и развитие как отдельного человека, так и человечества в целом, определяется божественным началом, высшим разумом. Будущее в религиозном сознании представляется противоположным наличествующему бытию и повседневной жизни. Осознание этой инаковости расценивается как истинная, полноценная реальность. Эсхатология не отказывается от идеи неизбежного завершения человеческого бытия и не пытается от него отгородиться, а утверждает важность его творческого постижения. Из этого можно сделать вывод, что в своей глубинной основе эсхатология несёт деятельное начало. С этой позиции, она идёт дальше «прогноза» типа «всё конечно и все люди смертны». Действительно, проблема заключается не в том, что человек смертен, а в том, что у нас есть это осознание. Осознание конечности даёт человеку и человеческой жизни онтологическую осмысленность, с момента этой осознанности начинается утверждение человеком своей телеологической определённости, а в дальнейшем постижение будущего. Идея конечности, по И.Ильину «...становится оформляющим и осмысливающим началом жизни»². В этой традиции делается попытка проблему онтологической неопределённости свести к минимуму. При этом эсхатология не предполагает боязни будущего, хронофобии. Эсхатологическая определённость является данностью. Мы не можем её изменить или предотвратить, мы можем только существовать в этой изначальной ситуации. Не человек создаёт будущее, а будущее «изобретает» человека. Таким образом, теологическая ориентация придаёт предвидению преимущественный смысл морального критерия, в соответствии с которым человек следует или отклоняется от божественной воли в своём поведении.

С конца 14в. в тематику схоластики вторгаются новые понятия и методы³, анализ и критическая рефлексия на основе категории единства (Н. Кузанского) и принципа *explicatio dei* устраняют иерархию и замкнутость сфер бытия. Затем концепция Н. Коперника «осуществила преобразование не только планетарной системы, но и научного познания в процессе автономного исследования, в коем на первый план выдвигался новый стиль мышления, который можно назвать предвосхищающим мышлением. Для этого стиля характерно, прежде всего, стремление заранее выяснить и определить предмет познания, детерминирующий весь процесс исследования. В силу такого рода стремления поиск несомненных оснований и принципов познания оказывается основной целью предвосхищающего

¹ Секацкий А. Прикладная метафизика. СПб.: Амфора, 2005. С.288.

² Ильин И. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2007. С. 234.

³ Жильсон Э. Философия в средние века. М.: Республика, 2004. С.448-518.

мышления. Именно в математике этот поиск не встречал непреодолимых препятствий и получил полное признание»¹. На первый взгляд именно заранее установленные законы – та почва, на которую ориентируется ожидание возможности предсказания. Однако этому устойчивому бесконечному содержанию не соответствует познавательная возможность конечного субъекта. Будущее приоткрывается иногда, но это зависит ни от субъекта.

Уже в ренессансном антропоцентризме человек становится субъектом научно-исследовательских программ, хотя ещё и в форме интуитивно-художественного мышления. Затем в 17 веке «освобождающее само себя мышление в метафизике Р.Декарта приобрело статус субстанции и субъекта, и в этом статусе оно само определяло для себя предмет исследования, оказываясь тем самым предвосхищающим мышлением»², которое опирается на оценочно-измерительное отношение ко всему сущему и времени, осмыслением перспектив и тенденций нового времени. Таким образом, несмотря на устойчивость человеческой потребности в предвосхищении будущего, методологически и социокультурно оправданные основания такого прогностического интереса общества представляется возможным рассматривать только начиная с эпохи нового времени.

Однако здесь-то и обнаруживается некоторая интересная особенность, состоящая в том, что убежденность общественной мысли античности и средневековья в гармоничности устройства бытия не располагала к обострённому интересу в прогнозировании социального будущего, в то время как секуляризированный общественный разум, осознавший себя, по мнению Л.Фейербаха, «не только самозаконным, но и законополагающим во всех областях»³, сделал предвосхищение будущего своей визитной карточкой и насущной потребностью. Прогностическая составляющая становится проблемой и тем самым объектом постоянного интереса исследователей. Таким образом, изменение фундаментальной метафизической установки, становление антропоцентризма, субъект-объектного мышления, а не сами по себе возросшие практические потребности повлияли на изменения вектора и интенсивности социального интереса к предсказуемому будущему. Для того чтобы эта потребность стала очевидной в обыденном сознании, а не только в головах отдельных мыслителей, нужно было, чтобы появилась неуверенность в завтрашнем дне, в традиционных ценностях, непонимание происходящих процессов. Ущербность от незнания настоящего способствует порождению потребности в знании будущего. В ситуации социокультурной и аксиологической дезориентации в контексте новоевропейского переходного периода, который характеризуется кризисом как общественного, так и индивидуального сознания, прогностическая деятельность становится

¹Сергеев К.А., Слинин Я.А. Диалектика категориальных форм познания (Космос Аристотеля и наука нового времени). Л., 1987.С.150-151.

²Сергеев К.А., Слинин Я.А. Диалектика категориальных форм познания (Космос Аристотеля и наука нового времени). Л., 1987.С.154.

³Фейербах Л. История философии //Собр. произв. В 3т. М., 1974, Т1. С.61.

фактором выживания. Но при этом до середины 20в. философия ещё движется, по справедливому наблюдению К. Маркса, в «пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенный на язык мыслей религиозной сфере»¹.

В связи с изменением метафизических установок происходила и переинтерпретация модусов времени, в первую очередь настоящего и будущего. Будущее, как категориальная структура, относительно других модусов времени более всего подвержено нашему воображению и творческому осмыслению. В этом смысле для лучшего понимания будущего как темпоральной категории, чаще всего ищут характерные особенности его инаковости относительно других составных частей времени, основное отличие, которых определяется их постулированным устойчивым равновесием.

Новоевропейский антропоцентризм, переживший трансформацию классического субстанциализма в функциональное познание бытия для субъекта, изменил и стратегические ориентиры. Философское вопрошание об истине эволюционировало в нацеленность на будущее как всеобщую интенцию. Диалогический характер современного общественного сознания предполагает не шовинизм истины, а толерантность правдоподобия. Будущее не даёт однозначности, зато предоставляет востребованный плюрализм выдвижения правдоподобных версий, расширяющий возможность быть слушаемым и услышанным, а значит и даёт почву для индивидуального самоутверждения без необходимости быть специализированным профессионалом. Высокая современная социальная динамика, разумеется, тоже вносит свою лепту, т.к. всё труднее становится успевать достигать глубокой специализации. Потребность сказать своё мнение как никогда находит благодатную почву в бесконечном выстраивании прогностических версий будущего для людей, не имевших ни малейшего шанса быть услышанными раньше, когда ориентирами были истина и доказательность.

«Возрастает необходимость постоянного убеждения члена сообщества в его правоте, а, следовательно, и в людях, способных представить правдоподобную картину будущего. Эту задачу и призвана решить философия 21 века»². Субстанция-субъект, принявшая форму самозначимой и самополагающей бытие индивидуальности, трансформируется из универсального трансцендентального субъекта в психологический. Прочно закрепилась тенденция психологизации философии. Как следствие – изменяется и статус настоящего. Настоящее в аксиологическом тестировании становится значимо в той мере, в какой оно служит будущему, а не в

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч.2-е изд., т.26, ч.1, с.23.

² Дворецкая Е.В. Пророчество современной философии //Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. С.140 — 144/

качестве результата прошлого. Профетический настрой современного общественного сознания и представляет поле для вопрошания в предпринятом исследовании.

В этой трансформации, по справедливому наблюдению Е.В.Дворецкой, особый статус приобретает этическая проблематика. Изменение ориентира с вечной и неизменной истины на правдоподобную достоверность версии будущего предъявляет особые требования к тому, кто будет выступать в качестве автора образа грядущего. Согласно Аристотелю, убедительность обретается «с помощью нравственного характера (того, кто говорит) в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим»¹. Соответственно претерпевает новый Ренессанс статус веры.

Особое значение в анализе социо-культурных оснований современного отношения к проблеме предвосхищения будущего приобретает традиция интерпретации онтологии модусов времени. Самой популярной у мыслителей всех исторических эпох философствования была позиция, согласно которой есть только настоящее, которое выступает в качестве субстанциональной характеристики всех модусов времени.

Понимание настоящего как границы, которая разделяет модусы времени, встречается уже в «Физике» Аристотеля² (хотя сам Стагирит предпочитает термин "теперь"). Исходя из этой позиции, рассуждая о грядущем, можно условно утверждать, что мы соотносим его с процессом некой «темпоральной майевтики», или, как пишет Ю.В.Громько, «все характеристики будущего представлены в осознании и воспроизводстве той целостности, в которую мы включены самим фактом нашей жизни»³.

Августин Блаженный, размышляя о подобного рода мимикрии, писал «...ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего... настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего - его непосредственное созерцание; настоящее будущего - его ожидание»⁴. Выводы Августина оказались весьма устойчивыми. Если прошлое мы оцениваем в процессе его интерпретации, настоящее - исходя из непосредственного психологического переживания момента «теперь», то будущее является спектром возможностей и комплексом вариативности. Т.Гоббс в этой связи писал: «Будущее есть лишь фикция ума, применяющего последствия прошлых действий к действиям настоящим... это лишь предположение, основанное на вероятности»⁵. Данная установка, по мнению Д.Юма, базируется на том, что мы привыкли к

¹ Аристотель Риторика // Античные риторика. Изд-во: МГУ, 1978, (1354b, 5).

² Аристотель Физика // Соч. в 4-х томах. М.: Мысль 1978. Т. 3. С.185.

³ Громько Ю.В. Основная проблема философии развития – имманентность и трансцендентальность // Философские науки. № 9. 2008 С. 27.

⁴ Блаженный Августин. Исповедь. М.: Возрождение 1991. С. 297.

⁵ Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2 М.: Мысль 1965. С.62.

определённому состоянию объекта, и, исходя из этой привычки, мы его проецируем на его дальнейшие проявления¹. Юм аргументировал свою позицию, исходя из опровержения индуктивных предпосылок. Он утверждал, что из того факта, что сегодня взошло солнце, совсем не следует то, что оно взойдёт завтра. Мыслитель сводил проблему постижения будущего к частной, субъективной позиции. Согласно этой позиции, фраза «я говорю о будущем» представляется не корректной. Логически верно будет утверждать: «Я говорю о симптомах будущего с позиции определённой данности».

Само по себе сведение двух модусов времени к формам настоящего ещё не влечёт необходимых выводов ни о перспективах ретроспекции, ни об опережающем отражении. И в рамках одной антропоцентрической метафизической установки в будущем, независимо от того, признаётся ли оно в качестве самостоятельного модуса бытия или как форма осмысления настоящего, усматриваются различающиеся вплоть до противопоставления перспективы.

П.Сорокин как и многие его единомышленники, погруженные в секуляризованную культуру постмодернистского типа, признают значимым только анализ настоящего. Согласно П.Сорокину, для «чувственного общества» характерна следующая позиция: «так как прошлое – необратимо и уже более не существует, а будущее ещё не наступило... то только настоящий момент реален и желанен»². В том же ключе К.Эулбертсон за пределами эмпирической данности и рационального опыта интерпретирует проблему будущего как попытку сведения к минимуму, а точнее к одному варианту дальнейшего развития событий, исходя из праксиологических, ценностных ориентиров и личностного императива. Исследователь воспринимает реальность будущего, как реальное бытие ценностных ориентаций субъекта, бытие в конкретной ситуации. Обосновывая свою позицию, он пишет, что «будущее не нечто конкретное, а абстракция, обремененная эмоциями»³.

В то же время эпистемологическая роль будущего как только связующего теоретического конструкта справедливо оспаривалась. Функция и смысловое содержание настоящего для многих исследователей не сводится только к его интерпретации как точке опоры, с которой мы взираем на прошлое и грядущее, настоящее не ограничивается только фактом нашего в нём присутствия. Его уникальность сводится к тому, что оно является и моментом времени и моментом возможности (сопереживание и соучастие на онтологическом уровне). «Это такой интервал, в течение которого сосуществуют исторически устойчивые «пра-формы» прошлого и апробируются «пре-формы» будущего»⁴.

¹ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.:Мысль, 1965. С.238.

²Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы.1992. С. 470.

³Albertson Cutler. Delphi and the image of the future. Future. Vol 8. № 5. 1976. P. 397.

⁴Штомпель Л.А., Штомпель О .М. Настоящее как перерыв //Культура и время. Время в культуре. Культура времени. Шахты: ЮРГУЭС. 2007. С.162.

М.Хайдеггер, согласно которому, момент настоящего проявляет себя, как момент «теперь» и обозначивает себя, как момент «присутствия», настаивал на конструктивно-деятельной функции настоящего. Для преодоления «онтологического тупика» необходимо прочувствовать миг настоящего, раскрыть его на уровне подлинности и ясности наличествующей ситуации, воспринять его не просто, как очередное пережитое мгновение, а понимать его, как экзистенциальный опыт присутствия, пребывания, основой которого будет «миг решения». Как писал М.Хайдеггер: «Миг есть не что иное, как взгляд решимости, в которой раскрывается и сохраняется раскрытой вся ситуация действия – при этом наши действия являются основной возможностью собственной экзистенции присутствия»¹. Проблема настоящего, исходя из вышеизложенного, прежде всего, имеет значение экзистенциального опыта, его «основополагающей подвижности». Более того, «всякое «теперь» человеческого существования получает своё точное место в целом мирового времени... превращая момент теперь из безразличного момента времени в экзистенциально решаемое мгновение»².

Ощущение решительности и ответственности по отношению к будущему представляется Ж.-П.Сартру одной из существенных экзистенциальных задач. Это связано с тем, что «время, как конкретное свойство истории, создаётся людьми на основе их изначального времяполагания»³. Творчески созидательный характер видел в будущем и Х.Ортега-и-Гассет. Будущее, как и любое темпоральное различие, во многом представляет из себя личностный конструкт, который базируется на постижении и соучастии, требуя от нас своего творческого осмысления. Философ даёт онтологическое обоснование феномену будущего: «Жить – это постоянно решать, чем мы будем»⁴. Разумеется, существенно то, кем мы являемся на данный момент, но ещё важнее то, кем можем стать. Этот парадокс базируется на возможностях, которые стоят перед людьми, и которые исходят из потенциалов заложенных в каждом из нас. Экстраполяция, согласно Х.Ортега-и-Гассету, будет попыткой обосновать возможность развития настоящего по инерции. «Ближайшее будущее, очевидно, порождается нами и заключается в продолжении существенного, а не произвольного, нормального, а не случайного в нас самих»⁵. В ней делается попытка минимизировать ощущение темпоральной необратимости грядущего.

Таким образом, анализ прогностической возможности социально-философского знания с точки зрения различной интерпретации модусов времени непосредственно не даёт ответа о необходимой связи предвосхищения с темпоральными характеристиками. Очевидно, именно этим можно объяснить то, что проблему прогнозирования всё чаще будут

¹ Цит. по Сафрански Р. Хайдеггер М. Германский мастер и его время. М. Молодая гвардия. 2005. С.242.

² Гвардини Р. Конец Нового Времени //Вопросы философии. 1990. №4 С. 133.

³ Сартр Ж. П. Проблема метода. М.: Прогресс,1994. С.113.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М.1991. С.174.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.1991.С.10.

соотносить не только с традиционным модусом будущего, но и с модусами настоящего и даже прошлого. Утрачивая радость узнавания прошлого в настоящем, приоритет фантомных, проходящих ценностей и истин приводит к тому, что трудно предугадать какое знание, имеющееся в настоящем, может пригодиться в будущем, какие смыслы не станут реликтами, а будут аккумулироваться. Более того, формирование прогностического инструментария в отношении будущего не возникает из одного желания его иметь и, очевидно, коренится в практике исследования прошлого опыта. Виды ретроспективного исторического анализа служат отправной базой прогностической методологии, направленной в будущее.

Но Августин указывает и на другой момент присущий настоящему – его процессуальность. Развитие этой мысли в конце 17в. приведет к вопросу о субъекте и субстанции этого акта. Настоящее – временная характеристика, которая находится в движении. Статика, в этой связи, принадлежит области завершённой, окончательной. Если бы момент «теперь» был статичен и не трансформировался во временной протяженности, «то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое»¹. Акцентирует внимание на этой мысли В.Н.Ярская: «будущее существует в форме возможности переходящей в действительность»², т.е. становления. А такой акцент рассмотрения позволяет обратиться к диалектике процесса и в нём искать основания возможности его предвосхищения.

Кроме того, немаловажно в этой связи понять, как воспринимается длительность настоящего в социальном времени. Этот вопрос важен по причине того, что «настоящее всегда соотнесено с каким-либо состоянием, и длительность этого события, состояния определяет размеры настоящего, причем в каждом конкретном ряду событий это определение специфично»³. При этом человеческое общество, по мнению Г.Люббе, активно пытается регулировать психологическое восприятие этого процесса: «Сокращения настоящего - это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений»⁴. Поэтому речь должна идти не о модусах и их непостоянстве, а скорее о том, что во всей этой изменчивости остаётся постоянным. Ведь в конечном итоге исследование не направлено на определение статуса и атрибутов темпоральности, а лишь рассматривает основания процедуры прогнозирования, которые в силу традиции в общественном сознании до сих пор связывают с модусом будущего. И очевидно темпоральные модусы не относятся к тому устойчивому, на основании чего можно было бы надеяться на возможность выведения

¹ Блаженный Августин. Исповедь. М.1991. С.292.

² Ярская В.Н. Научное предвидение. Саратов. 1980. С. 28.

³ Аскин Я.Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. М.: Мысль, 1966. С. 86.

⁴ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем //Вопросы философии. 1994. №4. С. 94.

регулярностей, которые только и позволят говорить о прогнозировании как логически опосредованном выводе.

В постклассическом дискурсе прогнозирование выступает уже не в прямой связи с претензией познающего субъекта на овладение истиной сущего. Сама эта истина трансформируется в форму достоверности конвенционального диалога. Ранее фундаментальное философское вопрошание об истине эволюционировало в нацеленность на будущее как всеобщую интенцию. Как никогда соответствует прогностической ориентации приоритет диалогичности в обществе коммуникаций, правдоподобия и толерантности, не требующих однозначности субстанциальной истины. Субстанция-субъект, принявшая форму самозначимой и самополагающей бытие индивидуальности, трансформируется из универсального трансцендентального субъекта в психологический. Прочно закрепилась тенденция психологизации философии. Как следствие – изменяется и статус настоящего. Настоящее в аксиологическом тестировании становится значимо в той мере, в какой оно служит будущему, а не в качестве результата прошлого.

Таким образом, анализ социокультурных и метафизических предпосылок становления прогностической потребности общества позволяет сделать первые предварительные выводы об укорененности этой традиции в следующих основаниях. Хотя потребность человека знать будущее в связи с различной мотивацией была устойчивой доминантой, но она не стала значительной теоретической проблемой ни в мышлении античного космоцентризма, ни в общественном сознании средневековья. Социокультурный смысл теологического предопределения носил преимущественный смысл морального критерия, в соответствии с которым человек следует или отклоняется от божественной воли в своём поведении. Методологически и социокультурно оправданные основания такого прогностического интереса общества представляется возможным рассматривать, только начиная с эпохи нового времени. Лишь та картина мира, в которой модусы бытия не определены заранее логосом или абсолютном, а полагаются деятельностью субъекта, становится предпосылкой предвосхищающего мышления. Изменение фундаментальной метафизической установки, становление антропоцентризма, субъект-объектного мышления, а не сами по себе возросшие практические потребности повлияли на изменения вектора социального интереса к предсказуемому будущему. Для того чтобы эта потребность стала очевидной в обыденном сознании, а не только в головах отдельных мыслителей, нужно было, чтобы появилась неуверенность в завтрашнем дне, в традиционных ценностях, непонимание происходящих динамичных процессов. В ситуации социокультурной и аксиологической дезориентации в контексте новоевропейского переходного периода, который характеризуется кризисом как общественного, так и индивидуального сознания, прогностическая деятельность становится фактором выживания. 20 век прибавил новые аргументы для прогностической стратегии. Когда посыл истины в её

понятийно адекватной чистоте и в вере в исчерпывающее формализованное и рассчитывающее знание был исчерпан, его заменил постмодернистский диалог с его конвенциями, плюрализмом, терпимостью и многозначностью конструирования. Поэтому в повышенном интересе к прогнозированию представляется более адекватным видеть не форму кризисного сознания постиндустриальной эпохи, как это считают многие исследователи¹, а необходимую атрибутивную характеристику постмодернистски ориентированного общественного сознания, использующего в качестве научной опоры синергетическую парадигму. Прогностическая ориентация, которая теперь озабочена не понятийной определенностью, а образностью картины грядущего, занята выстраиванием правдоподобных сценариев будущего и явилась наиболее яркой визитной карточкой современной эпохи.

Эмпирические основания социально-философского прогнозирования

Традиционными апостериорными основаниями социально-философского прогнозирования являются экстраполяционно-линейные модели, опирающиеся на принцип переноса прошлого опыта на будущий, т.е. на приёмы экстраполяции, аналогии, индукции. Аргументация познаваемости будущего, исходя из анализа предшествующего опыта, сводится к тому, что в силу последовательности временного континуума эпистемологические корни грядущего следует искать в прошлом и настоящем, которые относительно будущего онтологически первичны и имманентны ему. Согласно Г.Лейбницу, при заданных условиях эвристический потенциал ограничен: методом постижения будущего будет экстраполяция, а способ анализа грядущего строится на аналогии, т.к. «... всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо только с помощью другого состояния ему предшествующего»². По Канту, способность предвидения является условием, при котором возможна праксеологическая установка. Основой взгляда на будущее является ассоциативное мышление, при котором мы соотносим прошедшее и будущее с нашим настоящим посредством воображения. Способность вспоминать и предвидеть «служат для соединения восприятий во времени, для того, что бы то, чего уже нет, соединить в связном опыте с тем, чего еще нет»³. Эмпирическое предвидение «не нуждается в основанном на разуме знании причин и действий, а требует только вспоминания замеченных событий в том порядке, как они обычно следуют друг за другом»⁴. Данный тип предвидения является подобием

¹ Асеева И.А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели // Автореф. дисс.-ии на соискание уч. степ. доктора философских наук. М., 2009. С.12.

² Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1983. С. 212.

³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. 1999. С.223.

⁴ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. 1999. С.229.

экстраполяции, но он будет действенным пока выводы, которые из него следуют, будут подтверждаться.

Количественные методы экстраполяции и аналогии, в том числе на основе нейронных сетей, были разработаны Дж.Мартино, Р.Эйресом, Э.Янчем и др. для анализа ближайшей перспективы и были мало приспособлены для быстро изменяемой системы. В правила метода входила обязательная сегментация изменчивого объекта на устойчивые, по возможности элементарные структуры. Редукционистские принципы находили мало сторонников в сфере социального анализа. Качественные методы, опирающиеся на экспертные оценки, объектом которых чаще всего являются социальные системы: «метод Дельфи» О.Хелмера, матричный метод, метод анализа иерархий Т.Саати, прогнозно-аналитический метод, морфологический метод Ф.Цвикки, «мозгового штурма», «теории игр», метод «написания сценариев» преимущественно ориентированы на выделение циклов. Разновидность методов «Форсайт», с 2005г. стала применяться и в России, исходит из возможностей и потребностей страны и ориентирован на устойчивое развитие и согласованность позиций, построение «дерева целей» (решений). При этом эффективность этой методологии оценивалась не столько по достоверности («совпадение результатов... может свидетельствовать не о высоком качестве оптимистических прогнозов, а о случайно сложившейся благоприятной экономической конъюнктуре... и, наоборот, заниженные в сравнении с прогнозом результаты способны быть следствием ошибок не в самом прогнозировании, а в управлении выполнением решений..»¹), сколько по степени достигаемой согласованности. Социально-экономические параметры – самый распространенный объект этих прогнозов.

В анализе концептуальных оснований социально-философского прогнозирования представляется необходимым ввести одно ограничение, которое избавляет от многих уводящих в сторону рассуждений. Речь о прогнозировании в рамках социальной философии может идти только в отношении имманентных обществу оснований. Включение в рамки анализа возможных глобальных природных катаклизмов, внешнее внеземное воздействие и т.д. представляется избыточным в рамках философии и должно изучаться соответствующими естественнонаучными дисциплинами.

Большая часть концепций, обосновывающих возможность социально-философского прогнозирования, выстраивается на определенном базовом принципе, принимаемом в качестве метапаттерна, достоверной гипотезы или очевидной аксиомы. Наиболее древним из этих оснований является идея круговорота, вероятно почерпнутая из наблюдений природы. Концепция наиболее эксплуатируемая и сегодня. Круговоротом называют непрерывный, повторяющийся с определенными периодами циклический процесс взаимосвязанного превращения и перемещения веществ в природе с

¹ Райзберг Б.А. Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.161.

неизменным возвратом к одной и той же исходной точке. Общеметодологическим основанием является логический механизм аналогии (совпадения, похожесть), экстраполяция.

Проблема познаваемости будущего при помощи ретроспективного анализа строится на нахождении общих соответствий и воспроизводстве уже имеющихся смыслов и значений. В этих методологических поисках в качестве общего знаменателя выступает подобие и регулярность повторяющихся явлений, которые приравниваются к их равнозначности. Человеку свойственно искать закономерности для преодоления внутреннего хаоса и психологического дискомфорта. При данной ситуации память – необходимое основание предвидения. Любая социально-историческая концепция, признающая всеобщую или локальную цикличность общественной динамики, очевидно, в качестве необходимого следствия предполагает возможность предсказания будущего социального состояния, этапов или тенденций (разумеется, при отсутствии форс-мажорных обстоятельств) разной временной длительности в зависимости от того, какое количество циклов (больших и малых) им удастся выявить как устойчивые регулярности.

Тема цикличности (кругового или колебательного) сформировалась в древнеегипетской мифологии (символически связана с шаром жука скарабея), присутствует во всём брахманизме, даосизме,¹ буддизме; наиболее развита в древнегреческих учениях Гераклита, Эмпедокла, пифагорейцев и стоиков, историком Полибием в его "Всеобщей истории" (Книга VI. 3 - 10), фрагментарно рассматривалась Платоном, Аристотелем; приобрела образ змеи, кусающей свой хвост (уробороса) в средневековой алхимии; является программной идеей Аль-Бируни, Д.Вико, Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби, Н.Д.Кондратьева, Л.Н.Гумилева.

Аналогии в философии истории выстраиваются в закономерности. О.Шпенглер, утверждал, что его теория строится исходя из практики реальной жизни, именно это «... позволит нам взять в свои руки формирование собственного будущего»². По Шпенглеру цивилизация подвержена тем же изменениям, что и жизнь человека. В ней присутствуют такие же этапы: зарождение, расцвет, умирание. Анализируя и сравнивая различные культуры, Шпенглер делает вывод, что история представляет собой замкнутую циклическую систему, упадок которой связан с возникновением цивилизации (появление так называемого Цезаризма). Основным принципом анализа мыслителя будет «одновременность». Исходя из этого принципа, ход развития одного культурного типа можно вывести по средствам аналогии с любым другим, судя по заранее известным опознавательным знакам.

Все циклические теории можно разделить на две части. В одних описывается исторический ход развития и связанная с ним смена циклов

¹ Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Андреев и сыновья, 1993 (2-е дополненное издание: СПб.: Лань, 1998).

² Шпенглер О. Закат Европы. М.: Айрис - пресс 2003. Т.1. С. 76.

(О.Шпенглер, П.Сорокин, А.Тойнби и др.). В других делается попытка выявить длительность циклов (А.Л.Чижевский, М.И.Туган-Барановский и др.). П.Сорокин связывал смену исторических циклов со сменой культурных суперсистем. С зарождением связана идеациональная (умозрительная) система, с расцветом связана идеальная, а умиранию сопутствует сенсуалистическая суперсистема. Сквозь призму воззрений учёного видно, что нынешнее преобладание чувственной суперсистемы послужит поводом для обновления ценностных ориентаций, что в конечном итоге приведёт к культуре идеационального типа. Сорокин типологизирует исторические циклы, даёт им определения исходя из свойств, которые в них доминируют. В умозрительной суперсистеме преобладающими будут религиозные ценности, в которых делается упор на их неопровержимости и несомненности. Чувственная суперсистема характеризуется материалистическим началом, пренебрежением всякого религиозного опыта, разложением общественных формаций. Идеальная суперсистема, являясь соединяющим звеном, вбирает в себя признаки умозрительной и чувственной суперсистем, оставаясь золотой серединой, переходным периодом в культурной динамике.

До сих пор популярным является и анализ циклов, предложенный А.Л.Чижевским, по мнению которого «наука есть знание об измеримом»¹. Социальная активность, согласно автору, напрямую зависит от солнечной активности. В среднем цикл, состоящий из 4 фаз, длится 11 лет, и в зависимости от того, насколько цикл близок к своему завершению, настолько существенны изменения, происходящие в обществе. М.И.Туган-Барановский² формулирует закон инвестиционной теории циклов, на основе которого предсказуемо поведение всех участников производственных циклов. Более растянуты во времени и соответственно менее проверяемы 50-летние циклы Н.Д.Кондратьева, укорененные в обновлении средств производства. Н.Д.Кондратьев попытался соединить прогнозирование и планирование, определив первое основанием последнего. Прогноз согласно автору, «выступает в качестве метода проверки научных теорий и гипотез». Предвидение, по Н.Д.Кондратьеву,³ возможно, если 1) есть причинная связь между событиями; 2) закономерность, повторяемость хода событий; 3) знание связей и закономерностей, зависящее от развития науки, знание «конstellации событий в какой-то исходный момент». На прогноз влияют не только характер задач, но и природа объекта. Прогноз более эффективен, точен «для совокупностей, чем для индивидуальных событий... качество прогноза снижается по мере расширения»⁴, удаления интервала будущего. По Кондратьеву есть 3 типа предвидения: 1) для нерегулярного процесса; 2) регулярных циклических процессов 3) предвидение развития общих

¹ Чижевский А.Л. Земля в объёмах солнца. М. : Эксмо, 2004. С. 860.

² Туган-Барановский М.И.

³ Кондратьев Н.Д. Проблема предвидения //Вопросы конъюнктуры. 1926. Т.2.Вып.1.; Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С.127.

⁴ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.111.

тенденций. Теория прогнозирования Н.Д.Кондратьева строилась на 3 принципах¹: 1)закономерности статистики в качестве орудия анализа пропорций в системе; 2)цикличность как средство определения неравномерности развития системы; 3)социогенетика, позволяющая выявить воспроизводство традиции – генотип системы. Статистическую последовательность, примерно в том смысле как её понимал Э.Шрёдингер², Кондратьев считал моментом динамической закономерности. Но его идея прогностического основания для планирования не соответствовала практике директивного планирования, мало учитывающего объективные тенденции.

Общим для теорий «вечного возвращения» является их опора на преобладающую детерминанту. Варианты цикличности различаются от круговых до колебательных, достаточно лишь в одной пропорции продолжить их во времени. Согласно Е.Е. Слуцкому, взаимодействие случайных событий не является случайным и представляет волновую, периодическую функцию. Каждый цикл содержит суммарное число других циклов. Но, согласно замечанию С.Кузнецца, цикличность сколь-нибудь существенна для анализа пока лишь элементов социальной системы. Новации возникают после того, как истощится предшествующие возможности. К тому же она лишена теоретического обоснования.

Цикличность в качестве основания долгосрочного политического прогнозирования как динамику фаз «вызова» и «ответа» отстаивает А.С.Панарин («Глобальное политическое прогнозирование»). Автор видит в будущем не продолжение настоящего, а крутой разворот в отношении настоящего. Таким современным вызовом является глобализация. Ещё менее очевидны основания выделения индивидуальных циклов наций (общин) в «12, 48, 192, 768(3x4x4x4x4) лет», и уж совсем фантастических макроциклов «3072, 12288 лет» В.В.Феллером. С середины 1980-х попытку анализа больших циклов предпринимали С.Ю.Глазьев и Ю.В.Яковец. Они опирались на «общепризнанную – экономическую теорию товарной экономики и учёта»³, к тому же не преодолели недостатки, относимые к большим циклам нобелевским лауреатом С. Кузнецом. Ю.В.Яковец⁴ и его единомышленники сформулировали закон сжатия исторического времени, согласно которому локальные цивилизации ускоряют прохождение своих полных циклов (подобно мысли К.Маркса об одинаковой длительности рабочего дня и росте производительности).

Сложность выделения циклов состоит и в определении периодов колебаний, точек отсчёта, в определении природы колебаний, т.е. вызваны они внутренней природой или являются внешними («наведенными»). Кроме того проблемой в теории цикличности, отмечаемой исследователями, является интерпретация событий, принимаемых в качестве «узловых точек»,

¹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.. 2002.

² Шрёдингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? 1944.

³ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.115.

⁴ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. М.: ИНЭС, 2006. Т.1-2.

и вытекающая отсюда принципиальная недоказуемость. Всё чаще исследователи отмечают антицикличность в контексте социального времени и эмердженты¹.

Идея закономерного (регрессивного) прогрессивно-поступательного развития, называемая линейной концепцией не менее популярна. По сути, это концепция развития живой природы, экстраполированная на социально-исторический организм. Концепция имеет линейный (прямой или ломаный, равномерный или ускоренный) вектор, направленный в будущее (не обязательно лучшее). И хотя на отдельных отрезках возможны колебания и возвраты, но в длительной перспективе линия движения становится вполне определяемой, а, следовательно, на столь же длительном отрезке – предсказуемой. В Древней Греции эта идея присутствовала фрагментарно, в основном как идея регрессивного удаления от «золотого века». Экстраполяция прошлого на будущее присутствовала и здесь, но в основном с нарастающей погрешностью. Для Марка Аврелия «что было и что будет» - «все одно и то же». Не относят к идее линейно-поступательного движения и идею направленности к «христианскому спасению», так как последнее зависит от воли Создателя.

Благодатную почву идея прогресса обретает к 17-18вв. Наиболее последовательно обосновывал эту идею Ж.А.Н.Кондорсе, хотя она разделялась большинством французских просветителей. Двигателем прогресса признается разум, основанием - неизменные и необходимые законы, критерием – свобода. Наличным и самым убедительным примером прогресса выступил прогресс науки. Идея далее развита на основе социальной упорядоченности О.Контom, Г.Спенсером. Поступательное развитие, согласно О.Конту «слагается из ряда прогрессивных колебаний, более или менее долгих и более или менее медленных по обе стороны средней линии... Эти колебания могут быть сделаны более короткими и более быстрыми посредством политических комбинаций, основанных на знании среднего движения, стремящегося всегда стать преобладающим»². Критерием было определено движение к добру, здоровой жизни у О.Конта, рост индивидуального организма на основе закона усложнения, нарастания разнородности - у Г.Спенсера. Вариацией единой модели совместного развития является концепция «осевого времени» К.Ясперса. В рамках этой модели «параллельного движения» народы обращают взор к проекциям в будущее, к областям ранее относившимся к трансцендентному. Однако объяснение возможности «осевого времени» уже не опирается на «законы истории», так как не все народы включились в этот процесс. Несмотря на отсутствие объяснения механизма включения в «осевое время», К.Ясперс³ исходит из возникновения абсолютной веры в единство человечества и его основных ориентиров, в становление всеобщей коммуникации. В качестве будущего немецкий мыслитель выдвигал гипотезу возникновения нового

¹ Стебляк В.В. Предвидения будущего в мировой культуре. Омск. 1998.

² Родоначальники позитивизма. Вып.2. СПб.: Брокгауз - Ефрон, 1910. С.121.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С.49.

«осевого времени» на основе «параллельной независимости», которая хотя и вызывает всё большие сомнения, но свидетельствует в пользу того метафизического обобщения, что стремление к единой истине замещается конвенцией приемлемого и правдоподобного. Такая позиция опирается на методологически определяющий характер представления о будущем и сближается с нормативно-целевой моделью рассмотрения истории и общества: «без осознания будущего вообще не может быть философского осознания истории»¹.

Оживление концепции прогресса наблюдается в теории «конца истории» Ф.Фукуямы². Самые осторожные из концепций, опирающихся на разновидности аксиомы прогрессивно-поступательного хода истории хотя и допускают временные возвраты, метания, стагнацию, но, в общем, строят свою концепцию на основе эволюционной предпосылки (выживает сильнейший, наиболее приспособленный), «лучшее пробьет себе дорогу, несмотря на сопротивление» и наступит «Эра Водолея» и т.п. Общее в традициях, предполагающих возможность стратегического прогноза, является их опора на идею объективных, помимо воли людей существующих детерминант, закономерностей, объективного разума, мудрости (провиденциализма) или целесообразности природы и истории (телеологизм), тренд-структуры (графы). Законы эти должны быть когерентны т.е. согласованы с другими утвердившимися теоретическими конвенциями; они должны подтверждаться эмпирически (принцип корреспондентности). «Критерий обоснованности – способствует получению сети достоверных теоретических законов, причинно объясняющих явление»³. Согласно К.Гемпелю, явления социальной истории доступны и научному объяснению, и предсказанию на основе номологического анализа, т.е. изучения эмпирических явлений с целью объяснения или предсказания на основе законов (номос). Р.Карнейро добавил лишь ту поправку, что объяснять и предсказывать следует не индивидуальные, уникальные будущие события, а классы явлений, условия и предпосылки их трансформаций и флуктуации социального заказа на их изменения.

К примеру, в рамках названного подхода, популярной становится точка зрения, согласно которой Россия не совершает никакого перехода ни к лучшему, ни просто к иному, а находится в стадии разложения прежней тоталитарной системы⁴. Согласно Л. Гудкову, постсоветская система создала постсоветского «лукавого раба» с «негативной идентичностью» и отрицательным отношением к псевдоинститутам и отношениям. Несмотря на справедливость многих оценок работа Л.Гудкова опирается на метафоры, выводящие её в сферу публицистики. Н.С.Розов же предлагает выделять переменные или необходимые качества, «по которым происходит или не

¹ Яспере К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С.155.

² Фукуяма Ф.

³ Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009.412с. с.58-59.

⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Сборник статей, 2004. С.6, 494; Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009. 412с. С.63-64.

происходит трансформация социальных структур и институтов, общественного сознания»¹. У Л.Гудкова этим определяющим параметром является уровень «гражданской самоорганизации и активности, способный привести к существенным позитивным изменениям в институциональной структуре общества»², т.е. есть гипотезы в духе К.Гемпеля, которые можно проверять: «распад тоталитаризма сохраняет структуры и сознание». Тогда, по крайней мере, прозрачной становится дальнейшая последовательность решения теоретических задач: выявление маркеров, которые свидетельствовали бы о реальных структурных изменениях, или по принципу фальсификации: выявление признаков, свидетельствующих об отсутствии возможности изменения. Очевидно, первые шаги в современной разработке номологического анализа вносят свежие идеи и достоверные основания для оптимистических ожиданий прорывов с социально-философском прогнозировании, «полученном на основе ярко выраженных законов и надежных методов идентификации начальных условий... «наука быстрых открытий» в социальном познании принципиально возможна и уже имеет для этого многие предпосылки»³. Но у же сейчас проводится социологический анализ наличных факторов, способствующих позитивной трансформации, т.е. тех принципов, на основе которых здесь и сейчас может выжить, выживает и надеется жить ещё лучше человек, если бы ими обладал (признаки действительного изменения структуры институтов и человека или, согласно Н.С.Розову, структуры постсоветского человека).

Дополнительную почву придает этим концепциям классическая традиция, опирающаяся не столько на сущее, сколько на должное. Выводы с модальностью долженствования традиционно рассматривают в рамках нормативно-аксиологических принципов. В контексте закономерно-линейной модели они часто отвергаются как утопические. Однако связано это скорее с недостаточно разработанным категориальным аппаратом. Традиционным возражением является тезис о том, что «долженствование это то, чего пока ещё нет». На самом деле в социальной философии «речь идёт не о том, чего нет, а том, что есть, но форма чего не соответствует содержанию, цели - средствам, результат - затраченным ресурсам. Это позволительно говорить ровно в том же смысле, как мы бы говорили в геометрии ученику, что он должен изменить положение линейки, если хочет получить правильный квадрат, то есть изменить форму того, что уже есть»⁴. Кроме того, различие между утопией и прогнозированием зависит от того, формулируется ли представление как прочная истина, без выявления

¹ Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009.412с. С.63-64.

² Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009. 412с. С.63-64.

³ Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009.412с. С.61.

⁴ Богданов В.В. Категория диалектического противоречия и социальное прогнозирование //Образование. Экономика. Общество. № 3-4 (13-14). 2009.- СПб: Изд-во Национального открытого института России.– С.58.

необходимой связи с имеющимися особенными социально-историческими условиями, без снятия предшествующего содержания. При наличии этих характеристик речь действительно идёт об утопии.

Кроме того, линейная экстраполяция сталкивается ещё с одной проблемой. Сторонники идеи познаваемости будущего аргументируют свою позицию исходя из возможности, ассимиляции настоящего в грядущем. Однако настоящее онтологически не презентуемо и не самодостаточно. Уместно говорить о том, что настоящее находится в состоянии устойчивого, интенсивного интенционального переживания. В частности, современный французский исследователь Юг де Жувенель акцентирует внимание на следующих составляющих будущего.

1. Будущее - область свободы. Будущее - открытая и инвариантная система. При этом «задачей специалиста по научному прогнозированию является попытка указать на зародыш будущего в настоящем»¹.
2. Будущее - область возможности. Оно представляется явлением пластичным и управляемым. Через анализ возможных событий мы можем к ним подготовиться.
3. Будущее - область желаний. Необходимо знать направление, по которому мы хотим двигаться.

Несомненно, что подобные суждения могут проявить себя полноценно только в рамках устойчивых социальных систем. Если в классической философской интерпретации проблемы взаимоотношения модусов времени характеризуются исходя из их причинно-следственной связи и линейного эволюционного развития, то сегодня очевиден «темпориальный кризис». В социальном времени преобладает «сокращающееся настоящее», которое является обратной стороной общественных интеграций. Эта теория детально разработана Г.Люббе². В ней утверждается, что в связи с динамическим развитием цивилизации мысль о том, что то или иное явление устарело, появляется чаще и чаще. Подобная оценка будет доминирующей, т.к. траектория общественных устремлений всё чаще будет не совпадать с заранее избранной системой координат. Следовательно, экстраполяция может быть результативна только при краткосрочных прогнозах, а значит она полноценно функционирует только до первой погрешности. Подобные размышления лишней раз подтверждают точность афоризма Лемма относительно того, что «не что так быстро не стареет, как будущее».

Независимо от различия в подходах, отказываться от попытки субъективного проникновения в объективно существующие закономерности развития общества и выстраивания на их основе прогнозов тенденций социальной динамики, нет никаких оснований.

Идея спирали как синтез и преемственность идей цикличности и линейного прогресса может относиться как к апостериорным, так и к априорным основаниям. Модификацией идеи прогресса и одновременно

¹ Жувенель Юг де. Стрела времени и конец уверенности // Ключи от XXI века. М. 2004. С.182.

² Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии.— 1994.— №4.— С. 94—113.

включающей в себя идею цикличности стала концепция спиралевидного развития Г.Гегеля на основе диалектических закономерностей. Цикличность, согласно Г.Гегелю - движение «идушее вспять обоснование начала и идущее вперед дальнейшее его определение»¹. К.Маркс объединил спиралевидную концепцию с идеей экономического детерминизма, выстроив все будущие ступени, этапы до возникновения новой коммунистической формации. Ни одно общество, согласно К.Марксу, «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»², ограничение позже пересмотренное В.И.Лениным³. Временные периоды в формационной модели не имеют жёсткого ограничения, поэтому прогнозирование может относиться только к опережающему отражению будущих элементов социальной структуры. И хотя у большинства исследователей необходимая смена формаций в определенной последовательности вызывает сомнение, однако идея опережающего отражения на основе анализа составляющих производительных сил нашла своё воплощение в технократическом детерминизме. Варианты спиралевидного развития⁴ и основанного на нём прогнозирования особенно детально рассматривали представители диалектико-материалистической традиции. Недостаток этого анализа проявлялся лишь в его формализме. Принципиально важно не рассматривать образное представление в виде спирали или «двух отрицаний» как последовательный процесс смены состояний объекта сначала в одном направлении, а затем в другом. Оба отрицания в диалектике являются одновременными и являются нашими характеристиками в рефлексии состояния объекта по отношению к разным точкам отсчёта. Первое отрицание в терминах диалектики отрицания отрицания – это момент развития, отражающий качественную, а не временную прерывность.

Но дело ещё и в том, что точки отсчёта уже не относятся к эмпиризму, поэтому подробное рассмотрение диалектической теории двойного отрицания в социальном прогнозировании отнесено к априорным основаниям. Однако, помимо тех противоречий, которые застаёт человек в мире, он ещё и сам порождает противоречия. Для разрешения противоречий, коренящихся в природе, индивид уже имеет присущий всему живому механизм адаптации и ассимиляции. Большая их часть разрешается не осознано. Иное дело, противоречия, которые человек порождает сам. Именно противоречие с собой вызывает наибольшее страдание потому, что личность не имеет эволюционно выработанного единого механизма снятия таких противоречий. Дар свободы имеет два конца. Он возвышает человека над царством слепой природной необходимости, но он же способен сделать человека самым несчастным существом там, где любое другое живое

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. М.: Мысль, 1972. С.307.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. в 50 томах. М.: Политиздат, 1955 - 1981. Т.23. С.10.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1968. Т.21, т.45, с.379.

⁴ Дугин А. Г. Какое оно будущее? Это как на него посмотреть // Наука и религия.1996.№11.

существо пребывало бы в пассивной удовлетворенности. Всеобщая природа исключительно человеческих ценностей и целей вступает в противоречие с единичностью существования, ограниченностью средств и действий для их осуществления, что способно вызвать душевные страдания, раздвоенность, несравнимые с недостатком пищи. Противоречие, порождённое сознанием, когда человек сам противопоставляет себе нечто как внешнее, по своей природе потенциально наиболее разрешимо, так как порождено им самим, и значит, им самим может быть и преодолено. В отличие от этого, созданного духом противоречия, противоречие природное, как раз, может быть объективно трудно разрешимо уже потому, что иное не всегда доступно человеку. Но чаще всего, всё оказывается наоборот, и разрешение внутренних противоречий оказывается гораздо более сложной проблемой, чем внешних. Всё дело в том, что противоречие порожденное духом, создает иллюзию, из-за которой ищет способ преодоления противоречия там, где его нет. Снятие противоречия духом происходит не во внешнем мире, а в отношении духа, к тому представлению, которое он определил как соответствующее его природе.

Всё чаще в качестве основания для предвосхищения будущего выступают локальные экстраполяции, выводимые из отдельных областей культуры. Так эволюцию цивилизации часто рассматривают как производную научно-технических инноваций, которые в свою очередь существенно зависят от интересов военно-промышленного комплекса. Упрощенно схематизм этого процесса выглядит так. Военная доктрина государств мобилизует направление научно-технических разработок. Последние в свою очередь рано или поздно под воздействием коммерческих интересов приобретают второе назначение и становятся достоянием отраслей экономики. Экономические механизмы влияют на изменение приоритетов шкалы потребностей и новых государственных интересов, в результате чего вновь изменяется военная доктрина. Таким образом анализ перспектив в научных направлениях (С.П.Капица), финансируемых государством, рассматривают в качестве основания для долгосрочного прогнозирования процессов во всех областях социальной структуры.

Вариацией апостериорного подхода к прогнозированию является метод сценариев. По определению первооткрывателя сценарного метода Канна, «под сценарием понимают динамическую последовательность возможных событий, фокусирующей внимание на причинно-следственной связи между этими событиями и точками принятия решений, способных изменить их ход и траекторию движения»¹. В сценарии существует возможность проследить, каким образом трансформируются и модифицируются исходные данные, а заданная ситуация предстаёт в объемном виде и сложной структуре. В контексте этой структуры идёт анализ и «селекция» многовариантного развития гипотетических ситуаций. Эта своего рода вариативная

¹ Цит. по Ахременко А.С. Сценаротехника в аналитическом обеспечении процедуры принятия политических решений //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки.1997. №5. С.49.

«полифония» прогноза, где учитываются все возможные негативные факторы из широкого круга проблем исследуемой системы с учётом оценочной составляющей. При этом полезно воспользоваться советом, который предложил норвежский учёный Ф.Полак: «Всякое прогнозирование должно сопровождаться его немедленным пересмотром... Мы должны писать историю будущего, переписывая постоянно её заново»¹. В сценарном методе обозначена панорама, диверсификация, широкий спектр возможных решений вариантов развития будущего, выявляется генеральная тенденция, анализируя которую, можно будет остановить свой выбор на наиболее точном прогнозе, который обладает потенциалом для дальнейшего развития. Это обстоятельство позволяет выработать стратегический анализ будущего. На этой особенности делает акцент К.А. Феофанов утверждая, что «главная задача сценарного метода – обоснование стратегических управленческих решений»². Однако сценарный метод выработки стратегий выходит за рамки эмпирически обоснованного метода тем, что опирается на аксиологию и телеологию. Нахождение такого рода решений происходит благодаря детальному анализу дерева целей, что особенно важно в ситуации, когда современные кризисные ситуации в обществе связывают с кризисом целей.

Основное значение экстраполяции (перцептивной и линейной) сводится к анализу состояния будущего при реализации решений, вынесенных в настоящее время в контексте одной альтернативы³. Этот тип прогнозирования, олицетворяющий темпоральную структуру сознания в целом, строится на последовательности и непрерывности. Экстраполяция, изначально отталкиваясь от прецедента, рассматривается как мышление «реактивного» и «симптоматического» типа. Оно проявляет себя, как реакция на уже известные из прошлого опыты симптомы и потому, не учитывая эмерджентов, зачастую является тормозом инновационного развития. Логически оправданное применение экстраполяции будет при учёте того, что «любое единичное событие может являться основой для прогнозирования лишь в той мере, в какой оно выражает общее»⁴. В рамках экстраполяции возникает установка, в которой фиксируется некая определенность и тяга к однозначному решению относительно грядущего, что плохо увязывается с современной синергетической парадигмой.

Таким образом, речь о прогнозировании в рамках социальной философии может идти только в отношении имманентных обществу оснований. Включение в рамки анализа возможных глобальных природных катаклизмов, внешнее внеземное воздействие и т.д. представляется избыточным в рамках философии и должно изучаться соответствующими естественнонаучными дисциплинами. Наиболее древним из оснований является идея цикличности

¹ Polak F.L. Toward goal of goals. Oslo – London. 1969. С.324.

² Феофанов К.А. О сценарном подходе к прогнозированию //Социологические исследования. 2008. №5. С. 73.

³ Жирарден Л. Исследования альтернативных картин будущего. Руководство по научно-техническому прогнозированию. М.1977. С. 207.

⁴ Васильев В.А. Долгосрочное развитие сложных социальных систем. М.1998.

и круговорота. Общим для теорий «вечного возвращения» является их опора на преобладающую детерминанту. Варианты цикличности различаются от круговых до колебательных, достаточно лишь в одной пропорции продолжить их во времени. Однако цикличность существенна для анализа пока лишь элементов социальной системы. Новации возникают после того, как истощится предшествующие возможности. К тому же она в большинстве случаев лишена прочного теоретического обоснования, а практические аналогии страдают предвзятостью. Сложность выделения циклов состоит и в определении периодов колебаний, точек отсчёта, в определении природы колебаний, т.е. вызваны они внутренней природой или являются внешними («наведенными»). Кроме того проблемой в теории цикличности, отмечаемой исследователями, является интерпретация событий, принимаемых в качестве «узловых точек», и вытекающая отсюда принципиальная недоказуемость. Всё чаще исследователи отмечают антицикличность в контексте социального времени и эмерджентности. Линеарные концепции прогрессивно-поступательного развития опираются на идею объективных, помимо воли людей существующих детерминант, закономерностей, объективного разума, мудрости (провиденциализма) или целесообразности природы и истории (телеологизм), тренд-структуры (графы). Законы эти должны быть когерентны т.е. согласованы с другими утвердившимися теоретическими конвенциями. Экстраполяция, являющаяся основой и этого подхода, может быть результативна только при краткосрочных прогнозах, а значит она полноценно функционирует только до первой погрешности, что подтверждает актуальность афоризма С.Лемма: «не что так быстро не стареет, как будущее». Модификацией идеи прогресса и одновременно включающей в себя (снимающей) идею цикличности стала концепция спиралевидного развития. Если на заикливаться на её образном представлении, концепция имеет вполне позитивные перспективы, в особенности в нормативно-ценностном прогнозировании, опирающемся на анализ социальных противоречий. Большие перспективы в социальном прогнозировании имеет и сценарный метод, особенно в сочетании с предыдущим.

Априорные основания социально-философского прогнозирования

Идеи, выработанные и апробированные в философии распространяются на общественную структуру в целом, преобразуясь в культурные универсалии. Эти мировоззренческие установки, как естественный отголосок, становятся определяющими в процессе выбора приоритетного направления, которое изберет для своего развития общество. Будущее как категориальная структура относительно других модусов времени более всего подвержено нашему воображению. В феноменологической традиции аксиологические основания могут выстраиваться и по принципу, сходному с экстраполяцией, что предполагает «возвращение к первоистокам целей, связующих в единую цепь все будущие поколения, поскольку в них цели живы в формах, уже

отложившихся»¹. Согласно Э.Гуссерлю, рассматриваемому сознание как проекцию времени, механизм переноса прошлого на настоящее и будущее осуществляется в процессе ретенции. Восприятие реальной вещи сохраняется, удерживается сознанием, благодаря чему всё время длится в настоящем бывшее содержание. Одна ретенция переходит в другую, образуя континуум. Протенция, наоборот, выносит вперёд впечатление, предвосхищает, готовит восприятие, сохраняя континуальность. Таким образом, ретенция создает возможность рефлексии («теперь»), удерживая её объект, так же как у Канта время создает возможность существовать объекту для познания. Сознание достраивает образ, буквально перед тем, как ему быть воспринятым – пред-видение. Однако в протенции светится сущность, до которой априори «продумыванием» достраивается объект. И при этом протенция в отличие от простого воображения, надежд и ожиданий является конституитивным аспектом настоящего. Иначе говоря, не из настоящего интерпретируется прошлое и выстраивается будущее, а наоборот, ретенция и протенция определяют переживание сути настоящего, конституируют настоящее. Эта мысль Э.Гуссерля будет существенна для всех моделей, априорно обосновывающих социально-философское прогнозирование, а, возможно, одной из самых значительных в личном вкладе мыслителя в новоевропейскую традицию. Здесь только представляется необходимым отметить слишком многозначную интерпретацию этой мысли исследователями. К данному контексту не относятся высказывания Рормазера, Энричи, в которых будущее прямо отождествляется с настоящим ввиду их пессимистической убежденности в полном отсутствии будущего.

Априоризм, согласно М.Хайдеггеру, есть «метод любой научной философии, понимающей самое себя»², понимание же связано только с будущим. Опережающее отражение в этом контексте можно было бы рассматривать как трансцендентальную познавательную способность рассудка в кантовском смысле, поскольку оно ориентровано на возможный опыт. Однако в социальном прогнозировании гораздо более значимо предостережение, а, в таком случае, при ориентации в практической деятельности на предупреждение, возможный будущий опыт, который только и мог быть основанием проверки успешности опережающей познавательной процедуры, исключается. Отрицательный же опыт не может свидетельствовать ни в пользу успешности, ни в пользу надуманности прогноза. Поэтому представляются лишёнными оснований попытки³ рассматривать нормативное прогнозирование как гипотезу.

Наиболее распространённым методом и в нормативном прогнозировании сейчас является сценарный подход, опирающийся на комплекс вариантов развития событий, учёт рисков, неопределённости,

¹Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология //Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. - 752 с. - С.544-624.

² Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Наука, 1999. С.122.

³ Ардекани Р.Д. Философия и будущее //Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 2006. № 4.

тенденций, выстраивание траектории, направленности развития, динамику. Эффективной сферой применения метода является «обоснование стратегических управленческих решений»¹. К.Поппер, в принципе негативно относясь к прогнозированию социальных процессов, считал оправданным только эту форму отношения к будущему, называя её технологическим прогнозом. Социальное будущее - категория оценочная и прогноз должен носить вариативный характер и относиться преимущественно к социальным институтам в качестве средства «социальной инженерии»². Критерием нормативного прогнозирования большинство авторов предлагает считать оптимизацию ценностных ориентиров. В связи с этим, по мнению В.А.Карпухина³, в научном знании «прогностически - регулятивные» функции будут первичными относительно «аналитико - объяснительных», в связи с чем возникнет новая модель ценностной ориентации.

В рамках социального прогноза В.А.Карпухин выделяет критерий истинности. Прогноз в этом случае следует рассматривать с аксиологической, практической, гносеологической позиций. Аксиологическая характеристика истинности прогноза является отправной точкой для исследователя. В связи с этим, следует отметить, что, по мнению Карпухина, в научном знании «прогностически-регулятивные» функции будут первичными относительно «аналитико-объяснительных», следовательно возникнет новая модель ценностной ориентации. «Образцы будущего насыщены ценностными установками, - подчеркивала Э.Мазини, президент Всемирной федерации изучения будущего, - и сознательно или бессознательно конструируются, исходя из ценностных оценок и ценностных приоритетов их создателей»⁴. Та же мысль отстаивалась в отечественных публикациях В.С.Стёпиным⁵, согласно которому представления о будущем должно строиться с учётом «культурных универсалий» и по схеме – «мысль предшествует действию». В этих условиях «философия не просто рационально проясняет основание уже сложившегося человеческого жизненного мира, но выступает знанием о возможных человеческих мирах»⁶. Даже известный кантовский вопрос, «на что я могу надеяться?», по мнению академика⁷, проистекает из этой гносеологической задачи, и из этого вопроса «выводились ориентиры практического действия, и ценностные ориентиры». И хотя интерпретация В.С.Стёпиным кантовской мысли несколько расширительна, она в принципе не вступает в оппозицию с фикционалистской направленностью кантовского

¹ Феофанов К.А. О сценарном подходе к прогнозированию //Социологические исследования. 2008. №5. С.72.

² Косолапова В.В., Гончаренко А.Н. XXI век в зеркале футурологии. М. 1987. С.18.

³ Карпухин В.А. Нормативное социальное прогнозирование: критерий оптимальности. М. 1989.

⁴ Косолапова В.В., Гончаренко А.Н. XXI век в зеркале футурологии. М. 1987. С.15.

⁵ Стёпин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей //Высокая технология и современная цивилизация (сборник статей) М. 1998.; Стёпин В.С. Вестник Российского философского общества. №2. 2003. С.86.

⁶ Стёпин В.С. Найти траекторию //Новая Россия. 1999. № 3. С.38.

⁷ Стёпин В.С. Нужна ли сегодня философия //Вестник Российского Философского общества .2003. №2. С.106.

практического разума. Идеи разума у немецкого философа регулятивны не только для познания, хотя и не конституируют его.

А.М.Гендин назвал стратегию реализации нормативного прогноза «эффектом Эдипа», имея ввиду такой тип прогнозирования, который способен оказывать влияние на субъект исследования и выстраивать путь реализации прогноза. Информация, заложенная в прогнозе, выступает как некая идеальная модель будущего, учитывая которую, исследователь выстраивает путь общественного развития. Помимо этого в общественном сознании грядущее корректирует действия, определяет поведение социальных групп, а в случае с «эффектом Эдипа», можно говорить о том, что происходит стимуляция деятельности социальных групп относительно заданного будущего (в это случае можно говорить о «самовыполняющемся» прогнозе). Но проблема истинности прогноза осложняется тем, что мы «не способны воссоздать последствий альтернативного способа действия, который никем не был избран»¹. Истинность прогноза при «эффекте Эдипа» лишь предположена в исходных условиях, которые являются определяющими для данного вида прогноза.

Отсюда, речь в нормативном прогнозировании должна идти не о познании, а о предупреждении и планировании. А.П.Назаретян определил назначение нормативного прогнозирования - преодоления кризисных ситуаций, при этом «мы должны настоящим руководить из будущего»². Автор аргументирует это тем, что в связи существующими кризисами в ближайшее время кумулятивное развитие цивилизации окончится, и человечество утратит возможность активного вмешательства в исторический процесс. Оценка того, что происходит, и того, какое развитие нас ждёт, будет исходить из «романтической» и «прогрессистской» позиций. «Романтическая» позиция строится на «постулате человеческой вины». Мы виноваты во всех бедах и для того, чтобы будущее являлось не абстрактной моделью, а реальностью, необходим возврат к утраченным ориентирам. «Прогрессистская» же модель, согласно автору, воспринимает всё происходящее как естественное развитие, которому не стоит ничего противопоставлять.

До сих пор не потеряла актуальности постмодернистская «альтернативно-ризомная» идея, как основание прогнозирования будущего. В основе традиционных моделей рассмотрения истории лежит идея разума, находящего в мире адекватное себе рациональное устройство, закономерную динамику, прозрачность, унифицированность, типичность, монизм. Логика познания будущего в рамках классической рациональности опиралась на одни и те же принципы, которые уже имели место в прошлом. Экстраполяция и поиск закономерностей для такого субстанциального мышления наиболее адекватна. Постмодернизм же постиндустриального общества отождествил единственность истины с тоталитаризмом единственной позиции властителя, партии, единственно правильного,

¹ Гендин А.М. Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования //Вопросы философии. 1970. №5. С.85.

² Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. 2004.

морального образа жизни, единственной причиной. Классической рациональности были противопоставлены антихолизм, фрагментарность истории, множественность свойств, интенций, процессов, равноценность различного, антисистемность, «зазор», «просвет между», «равноправие познавательных перспектив», периферийность, локальность, микроуровень, обыденность, «языковые игры», симуляции, толерантность к иному, чувственно-бессознательная значимость желания, как источника науки и творчества (Гваттари). Прошлое и будущее являются модусами «вечного» настоящего. Образом нового горизонта восприятия постмодернизм через Ж.Делёза и Ф.Гваттари избрал ризому¹. В этом ботаническом термине выражена мысль о беспорядочной множественности начал, центров, оснований, когда любой кусок сорного растения может обладать самостоятельной полноценной способностью жизнедеятельности в противоположность функциональности и взаимосвязанности частей дерева. Ризома не связана необходимыми внешними условиями, приспосабливается к любому окружению. Однако возникает такое общежитие и мышление, согласно классикам постмодернизма, только в развитом обществе и только после исчерпания классического рационализма, т.е. фактически как закономерный результат постзакономерной стадии эволюции. Кроме того подобный остроумный ботанический экскурс постмодернизма для многих исследователей справедливо представляется искусственной аналогией уже хотя бы по той причине, что функциональность различных элементов растений вовсе не произвольна и свидетельствует лишь об эффективном приспособлении для расширенного природного воспроизводства одних и тех же органических структур, с одной и той же направленностью, тенденцией к обособлению и одними и теми же возможностями. Таким образом, речь идёт о потере целостности общего социально-исторического организма и воспроизведение всех его элементов на уровне обособленных организмов.

Более распространенными и эвристически оправданными являются аксиологические, нормативно-целевые основания и идея моделирования. В природе ценности, как таковой, помимо оценочной и экзистенциальной, содержится прогностическая составляющая, которая корректирует поведенческое направление выбранное субъектом. Методология мировоззренческого доминирования определенных смыслов, их устойчивости позволяет говорить о предсказуемости направления усилий, которые будут предприниматься новыми поколениями. Социально философское прогнозирование опирается, согласно М.Хайдеггеру на осмысляющее, а не калькулирующее мышление. Но этот приоритет будущего коренится у немецкого мыслителя в «бытии-к-смерти», а не в методологических перспективах. Всеобщее стремление к свободе (Г.Гегель), равенству, справедливости (Дж.Ролз) имеет тот недостаток, что определения

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что же такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии – СПб.: Алетейя, 1998.

этих ориентиров существенно различается у разных людей и культур в разное время.

Согласно Берже и Жювеналю, будущее представляет собой намерение. Однако общим в этих концепциях выступает то, что как бы не определялись эти ориентиры, они не возникают с необходимостью природных законов, а создаются сознательной активной деятельностью людей только при наличии альтернативных путей эволюции и ориентировано на то, чтобы «базовые потребности человека так или иначе удовлетворялись». При этом, по справедливому сравнению П.К.Гречко¹, человек тянется к абсолютизированной идее как растение к свету. Этой мотивации соответствует модальность долженствования, квинтэссенцией которого является справедливость (Л.Фельдштейн). «В конечном счете все решает сознательный или бессознательный выбор субъекта истории...определить, куда и как движется современный мир, каким метапаттерном это можно охватить и предусмотреть, не просто трудно, а невозможно... Дж.Ролса, настаивающего на том, что справедливость играет такую же роль в социальной истории или сфере, какую истина играет в познании»². Согласно В.С.Свиридову - это не «абстракция без реальности» (Гегель), а *реальная абстракция*, являющаяся существенным активным элементом социальной жизни»,³ которая определяет и регулирует человеческое поведение и сознательную деятельность. Проблема будущего в социальной реальности является подобием интенционального акта, в основе которого лежат мотивационные, регулятивно – управленческие и другие задачи и функции, т.к. это «повседневный факт социальной реальности». Его нельзя воспринимать как заданное «субстанционально – автономное»⁴ явление.

Однако аксиологические модели, если они не опираются на признание «объективных целей» природы или надприродного разума, выстраиваются на базе веры в самодеятельный характер человеческого общежития. Такая традиция чаще всего опирается на возможности планирования, эффективного регулирования всех сфер общества. Всё чаще подчеркивается необходимость создания принципиально новых ориентиров⁵. Вполне оправданными звучат в этом контексте слова отечественного экономиста В.А.Базарова-Руднева, который заявил об избыточности категории прогноза тогда, когда есть возможность планировать и осуществлять на практике. То, что сейчас называют поисковым и нормативным прогнозом, он называл генетическим (экстраполяцией, «логическое продолжение в будущее тенденций, закономерности которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны»⁶ и телеологическим (оптимизацией, «выявлением оптимальных

¹ Гречко П.К. Концептуальные модели истории: Пособие для студентов / Ин-т "Открытое о-во". - М.: Логос, 1995. - 141с.

² Асеева И.А. Пророчество, как способ предвосхищения будущего. Курск. 2006.

³ Сивирин В.С. Феномен социальной перспективы. Новосибирск, 2002. С.79.

⁴ Сычев Ю.В. Проблема будущего в философском познании (прошлое, настоящее, будущее) //Философия. Основы социального прогнозирования. (сборник статей). М. 1996.С.114.

⁵ Косолапов В.Н., Гончаренко А.Н. XXI век в зеркале футурологии. М., 1987. С.19.

⁶ Суворов О.В. Прогноз // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т.4.-М., 2000 – 2001.

путей решения перспективных проблем на основе заранее заданных критериев»¹ управленческим планом-расчётом, проектом, программой). Согласно автору, рациональное прогнозирование в принципе некорректно и невозможно в отношении той реальности, которая всякий раз создается и изменяется свободной волей и властным решением. Кроме того, совершенно безобидная, на первый взгляд, «игра словами»: замена «программы» или «плана» на «прогноз» существенно понижает меру ответственности её автора в случае неисполнения. П.Рикёр называет современное стремление к прогнозированию одной из наиболее фундаментальных характеристик нашего общества. Индустриальное общество, пытающееся «регулировать свое развитие путем предвидения и расчета». Задачу анализа уровня современных средств автор называет проспективкой (prospective) (термин Г.Берже). Задача философа - помочь увидеть возможность выбора, то есть ответственности там, где признавали лишь судьбу. «Затем, признав нашу принадлежность к этому развивающемуся обществу с присущими ему предвидением и планированием, мы перейдем от целей общества к более глобальному человеческому проекту. От проспективы к перспективе»².

Другое дело, что социальные процессы, которые теоретически, в принципе поддаются субъективному регулированию, планированию, в действительности на практике часто осуществляются бесконтрольно, стихийно. Либо наоборот, управленческий коллектив превращается в систему с устойчивыми регулятивами, что позволяет и сознательно выбранные ориентиры и правила рассматривать как объективно действующие закономерности. «Хотя действия отдельных индивидуумов остаются телеологически осмысленными, статистически же действия людей складываются в некоторый инвариантный "вектор развития" общества, подчиняясь, таким образом, общему социальному закону. И толкование истории явно смещается в сторону каузального (причинного) объяснения». Маркс же, отрицая "надприродность" цели, фактически утверждает примат причины действующей, и конец *его* истории носит характер экстраполяции, законы истории носят естественный характер вполне в позитивистском духе³. В силу того, что в обыденном сознании степень продуманности и регулируемости социальных процессов чаще всего сильно преувеличена, применение прогностического аппарата в том числе и естественнонаучного на определенных этапах и в отдельных сферах вполне возможно, хотя характер этих прогнозов будет являться преимущественно нормативным и направленным на оптимизацию принимаемых решений.

Периодически имеет место появление сборников научных статей, провозглашающих принципиально «новый» подход к проблеме прогнозирования. Так согласно В.М.Бондаренко все, до сих пор имеющиеся методы прогнозирования эффективны только в краткосрочной перспективе,

¹Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. Курс лекций.— М.: Педагогическое общество России 2002. — 392 с.; Юревич А.В. Асимметричное будущее //Вопросы философии. 2008. №7.

²Рикёр П. История и истина.— СПб.: Алетейя, 2002.— 400 с.-С.333.

³Яцевич А.В. Философия истории Г.В.Ф.Гегеля. М., 1994. С.46.

«на долгосрочную перспективу прогнозировать будущее можно только из будущего»¹. Автор обновил в современных условиях интерпретацию классической философской субстанциальной парадигмы, направленности социального движения к «истинной сущности», «природе» «идее», заменив её «высшей целью». Такой подход вполне соответствует традиционной нормативной аргументации. И хотя авторский подход не выглядит столь уж инновационным по своему содержанию, по сравнению с красочным лозунгом-эпитетом его упаковки - «уйти от историзма к метаисторизму, «исследовать будущее из будущего»², «приоритету качественных методов над количественными» представляется, что сама по себе традиционная нормативная составляющая философского знания этим взглядом справедливо выводится из незаслуженной «тени» в поле широких философских дискуссий. Согласно автору, «новый смысл прогноза – это не предсказание, а научное изучение и обоснование возможностей и механизмов достижения нового качества с применением формальных методов прогностики»³.

Прежде чем говорить об устойчивом развитии, согласно сторонникам этого подхода, нужно определить цель её развития. Принципы методологии В.М.Бондаренко: 1)человеческое сообщество существует в направлении достижения единой цели, с которой и нужно соотносить прошлое и настоящее – целью «развития конкретного человека во всём многообразии его материальных и духовных потребностей». Становится видны «лишние или недостающие звенья в механизме её реализации»⁴. «Будущее, по Дмитриеву, (прогноз) характеризуется нулевой нормой прибыли... такой постулат – одна из прогностических моделей, имеющих строгую формальную основу»⁵. 2)системный и мультидисциплинарный подход; 3)всё рассматривать через один показатель – время между возникновением потребности у человека и моментом её удовлетворения. Этот промежуток времени должен сокращаться – что и является критерием развития или деградации. Будущим при этом автор называет временной разрыв, приближающийся к нулю. 4)повышение уровня организации и устойчивости.

Представленная методология ещё только продекларирована, о чём свидетельствует то, что авторское объяснение прошлого и настоящего проводится автором фактически без обращения к её постулатам, т.е. без них можно обойтись. У специалистов по синергетике общим местом является цитирование Д.Габова «Будущее не может быть предсказано, оно может быть изобретено»⁶. В.М.Бондаренко предложил и внятный критерий эффективности социальной системы, хотя и не изолированный от

¹ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.24.

² Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.9.

³ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.11.

⁴ Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.240.

⁵ Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.241.

⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Будущее и его горизонты: синергетическая методология в прогнозировании //Синергетика. Труды семинара. Том 4. М.: МГУ, 2001. С.5-19.

количественных методов: «всё многообразие процессов и явлений можно рассматривать только через один показатель – время... во времени сопоставлять с целевым идеалом абсолютно все стороны жизни человека и общества, и определять, на какой ступени человеческого прогресса по отношению к цели оно находится. То есть эффективность функционирования системы в целом и любой её части можно и нужно рассматривать через единый критерий – время между возникновением потребности конкретного человека и её удовлетворением»¹. Сокращение этого времени, согласно автору, и должно свидетельствовать об успешности развития общества. Это и есть ныне популярный термин «качества жизни», который в равной степени применим как для долгосрочного, так и для среднесрочного прогнозирования.

Аксиологические суждения не сводимы ни к фактам, ни к доказательствам ни к экспериментам, соответственно не являются истинностными, они всегда логически произвольны (не в смысле обоснованности, а в смысле несводимости к традиционным логическим суждениям факта). Анализ этого факта привел Х.Перельмана² к созданию диалектической «Новой Риторике», призванной анализировать ценностные суждения. Сложность состоит ещё и в том, что как естественные потребности могут подавлять социально-нравственные ценности, так и наоборот, необходимые жизненные потребности могут быть пожертвованы ради нравственных. По определению М.Рокича: «ценности являются абстрактными идеалами, положительными или отрицательными, не связанными с какой-либо специфической позицией, предметом или ситуацией, которые отражают мнение лица об идеальной модели поведения и идеальной конечной цели... люди могут иметь десятки или сотни тысяч мнений, придерживаться тысячи позиций, но располагают лишь дюжиной ценностей»³. Ценности наиболее устойчивы при всех прочих изменениях в обществе, однако в формализованную систему необходимых вертикальных и горизонтальных связей они не складываются. Однако ценности всегда коррелятивны целям, которым они соответствуют или нет – и в этой функции ценности подпадают под логический ориентир истинности и вполне соединимы в систему, а, следовательно, возможен и нормативный анализ их пред-полагаемого выстраивания вместе со всем органом их реализации. Компоненты иерархии ценностей логически потенциально определимы в рамках какой-угодно большой (потенциально – универсальной) аудитории с помощью репрезентативных социологических выборок, что в свою очередь предполагает междисциплинарный синтез усилий, который вполне оправдывает возможность нормативного прогнозирования.

¹ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.22-23.

²Перельман Х., Ольбрехт-Тытека. Л. Новая риторика: трактат об аргументации //Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С.14.

³ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. №3. С.124.

Оценочная составляющая прогноза носит характер диалектической модели, которая включает в себя три составляющих. Изначально, отталкиваясь от имеющихся данных, мы решаем телеологическую задачу, затем соотносим её с аксиологической составляющей прогноза, что приводит к выводу относительно его истинности или ложности. Вся эта модель затем непосредственно влияет на выбор методологического аппарата исследования. Отталкиваясь от основной, смыслообразующей цели, в прогнозе-предупреждении выкристаллизовываются наиболее обоснованные и методологически аргументированные решения имеющихся задач, которые при использовании обычных методов находятся вне поля зрения исследователя. Таким образом, синтез «накопленных» целей ведёт к структурному обновлению прогноза. Разработкой дерева целей занимались Ариофф, Черчменн, Акофф. Этими исследователями была предложена следующая конструкция построения прогноза такого типа. Первоначально устанавливается, какие цели отвечают заданным требованиям, фиксируются структурные целевые компоненты. Через интерпретацию наличествующих данных строится исходная модель дерева целей, создаётся «матрица синтеза» телеологической системы. Далее анализируется, какой будет характер взаимоотношений между отдельными целями. Отталкиваясь от этого, выявляется характер поведения исследования. На этом этапе формируются компоненты для полноценного существования прогностической деятельности, и делается попытка выявить факторы, которые могут помешать стабильному функционированию изучаемой системы в целом. Далее, в связи с тем, что дерево целей представляет собой сложносоставную иерархическую структуру, то необходимо выявление оценочной шкалы. Сквозь призму оценочных суждений определяются критерии, позволяющие выносить взвешенные мнения как относительно составных и базовых элементов прогностической системы, так и относительно любого его уровня. Оценка систематизирует, классифицирует цели. На конечном этапе построения дерева целей определяется степень значимости для прогноза каждого компонента дерева целей и анализируется их потенциал.

Моделирование включает в себе экстраполяцию и оценку и применяется как предпосылка для сценария, который обладает динамикой и вариативностью. Идея моделирования является сложной формой аналогии, сходстве модели и прототипа и опирается на принцип подобия. Но в отличие от естественнонаучного и инженерного моделирования в качестве прототипа выступает не природный аналог, не общество как таковое, а нормативная идея или теория общества. Соответственно модель также является виртуальной. Такая модель проверяется не на прочность или надёжность, а на соответствие имеющимся или возможным предпосылкам и соответствие следствий ожиданиям, отношения между различными элементами структуры. Вероятностная аргументация прогностического умозаключения в социальной сфере, согласно С.Тулмину («Предвидение и понимание»), сознательно направлена на саму себя, не на эмпирические факты, а на обобщения, законы и теории. Т.е. результатом таких вероятностных выводов

уже является не столько соотносением с объективными законами, сколько изменение, уточнение и создание новых законов. Согласно автору, модальный оператор вероятности в рассматриваемой сфере превращает категорическое суждение в осторожное. Предупреждение имманентно содержится в прогностике социальных процессов.

Особый статус в анализе оснований социально-философского прогнозирования представляется необходимым отвести диалектической традиции исследования природы социальных противоречий. Прав Г.Волков в том, что Гегель, по существу, открыл системный метод воспроизведения предмета, который в XX в. был «переоткрыт» А.Уайтхедом, Л.Берталанфи и другими учеными. Причем метод, разработанный Гегелем, воспроизводит объект не только как функционирующую, но и как развивающуюся целостную систему. Г.Гегель выявил преимущества восхождения от абстрактного к конкретному, которое воспроизводит «предмет исследования соответственно его собственной структуре, внутренним существенным связям различных его сторон»¹. Согласно Г.Волкову, немецкий мыслитель на основе априорных принципов сформулировал метод воспроизведения предмета в его необходимом развитии, его будущих проекциях, коррелятивной логике исторической ретроспективы который впоследствии был поддержан А.Уайтхедом, Л.Берталанфи и др. Диалектика в контексте учения о противоречиях была сохранена с некоторой модернизацией в философских традициях экзистенциализма и герменевтики. Ж.П. Сартр ("Проблемы метода", которую затем включает в свой капитальный труд "Критика диалектического разума"); П. Рикер рассматривал диалектику как умение вписать объект в различные, чаще всего противоположные (контрарные) смысловые контексты, которые противостоят друг другу как бинарные оппозиции, после чего проводится ситуационный анализ, в котором «мышление как бы постоянно совершает "челночное" движение от объекта к одному "горизонту", от него к другому и снова к объекту. Отсюда и название метода как прогрессивно-регрессивного или конструктивно-деструктивного»². В диалектике Г.Гегеля творит новоевропейский просвещенческий разум, который однако уже не только правит миром, но и целенаправленно создаёт его на почве классического субстанциализма и диалектики снятия противоречий. Именно единство субстанции и субъекта Г.Гегеля было прочно связано К.Марксом с человечеством, саморазвивающейся субстанцией истории, природа которой модифицируется в каждую историческую эпоху³. В соответствии с одиннадцатым тезисом о Фейербахе: «Философы различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁴, для К.Маркса будущее существует не в качестве универсальной утопической идеи, либо объекта для

¹ Волков Г. Сова Минервы. М., 1985. С.12, 28.

² Яковлев В.А., Суркова Л.В. О востребованности диалектики в эпоху постмодернизма// Принцип неопределенности и прогноз развития социально-экономических систем. М.-Томск.: РАН, 1999.- С.15.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Собр. соч. 2-е изд. М.,1959. Т.23. С.623.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.,1959. Т. 3. С.4

интеллектуального постижения. Для философа время утопических идей закончилось, оценка грядущего начинается с осознанной рефлексии и переходит в прямое действие, поступок. По его мнению, необходимо говорить «не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах ... преобразовании общества»¹

В то же время представляется несколько расширительной трактовка понятия прогнозирования в контексте предвосхищения в истории философии последующих естественно-научных открытий. В.С.Степин в статье «О прогностической природе философского знания» как пример приводит идею атомистики. Первоначально появившись в философской традиции древнего мира, эта идея не обладала теми функциями, которые бы позволили эту философскую находку сделать общезначимым научным фактом. Только в дальнейшем, когда естествознание достигло определённого уровня, суждения относительно атомистики в полной мере проявили себя в биологии, физики, химии. По В.С.Стёпину, определённая философская модель мышления может преобразовываться в естественно-научных категориальных структурах, и, как пример, он приводит идеи Демокрита. Хотя, очевидно, что в рассуждениях Демокрита интуиция преобладает над доводами, которые были бы основанными на эмпирически проверенных фактах, тем не менее, В.С.Стёпин расценивает подобные умозаключения, как предпосылку для возникновения прогноза и применения этого прогноза в естественно-научных дисциплинах. Видимо, в данном случае уместно говорить не о прогнозе, а о предположении, которое ещё не может быть отнесено к теории. Притом, что они отдалены от несомненности и очевидности, но «именно с них начались все науки... ведь мы предугадываем истину до того, как её увидим»². На этом настаивают и сами учёные. В частности, Гейзенберг говорит о том, что вопросы и идеи, появившиеся в античности, непрерывно генерируются и проявляют себя в качестве базовой составляющей исследования. Эти идеи «вновь и вновь становились предметом обсуждения, по мере того как новые открытия являли в новом свете другие пути мысли»³.

В связи с тем, что философия апеллирует универсальными категориями, то для постижения будущего, она предлагает инструментарий, позволяющий уйти от аксиологической дезориентации в сторону «культурных универсалий» (термин В.С.Стёпина), на основании чего можно выбрать вектор прогноза. С этой целью применяется различные модели объяснения на базе снятия «конфликта интерпретаций» (П. Рикер): дедуктивно-номологическая модель научного объяснения, модель «рационального объяснения» У. Дрея, модель «интенционального объяснения» Г.Х. Вригта.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Собр. соч. 2-е изд. М., 1959. Т.14. С. 451.

² Степин В.С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.; Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.; Стёпин В.С. Творчество культуры и прогностические функции философии // Диалектика научного и технического творчества. Обнинск, 1982.

³ Гейзенберг В. Закон природы и структура материи. Шаги за горизонт. М.: Прогресс 1987. С.107.

Таким образом, феноменологический дискурс выявил механизм, согласно которому возникает возможность рефлексии настоящего, согласно которому ретенция и протенция из будущего образа определяют переживание сути настоящего, конституируют настоящее. Сознание достраивает образ, буквально перед тем, как ему быть воспринятым, из пред-видения. В нормативном социальном прогнозировании наибольшую значимость имеет предостережение, которое в силу его непроверяемости, не может рассматриваться как гипотеза. Однако убедительно эффективной сферой применения этого метода является «обоснование стратегических управленческих решений», т.е. преимущественно институциональная сфера в качестве средства «социальной инженерии». Эффективной сферой применения нормативного прогнозирования большинство авторов предлагает считать оптимизацию ценностных ориентиров. Презентируемая классиками постмодернизма идея ризомы как множественности оснований анализа по сути является вариацией модели закономерного возникновения определенной стадии в любом развитом обществе, которое к тому же потеряло целостность, с определенными свойствами. Более распространенными и эвристически оправданными являются аксиологические, нормативно-целевые основания и идея моделирования. В природе ценности, как таковой, помимо оценочной и экзистенциальной, содержится прогностическая составляющая, которая корректирует поведенческое направление выбранное субъектом. Методология мировоззренческого доминирования определенных смыслов, их устойчивости позволяет говорить о предсказуемости направления усилий, которые будут предприниматься новыми поколениями. Вполне оправданными звучат в этом контексте слова отечественного экономиста В.А.Базарова-Руднева, который заявил об избыточности категории прогноза тогда, когда есть возможность планировать и осуществлять на практике. Вполне применимы для аксиологически ориентированного общества и социологические закономерности, но только в том случае, если всё общество реально ориентировано на одинаковые для всех «правила игры». Заслуживающей внимания в рамках нормативно-ценностной мотивации представляется позиция В.М.Бондаренко, который предложил критерий определения реализации нормативной идеи - время между возникновением потребности у человека и моментом её удовлетворения. Этот промежуток времени должен сокращаться – что и является критерием развития или деградации. Будущим при этом автор называет временной разрыв, приближающийся к нулю. Согласно концепции Х.Перельмана, ценности наиболее устойчивы при всех прочих изменениях в обществе, хотя и не складываются формализованную систему, всегда коррелятивны целям, которым они соответствуют или нет – и в этой функции ценности подпадают под логический ориентир истинности и вполне соединимы в систему, а, следовательно, возможен и нормативный анализ их пред-полагаемого выстраивания вместе со всем органом их реализации. Особый статус в анализе оснований социально-философского прогнозирования

представляется необходимым отвести диалектической традиции исследования природы социальных противоречий.

Таким образом, феноменологический дискурс выявил механизм, согласно которому возникает возможность рефлексии настоящего, согласно которому ретенция и протенция из будущего образа определяют переживание сути настоящего, конституируют настоящее. Сознание достраивает образ, буквально перед тем, как ему быть воспринятым, из предвидения. В нормативном социальном прогнозировании наибольшую значимость имеет предостережение, которое в силу его непроверяемости, не может рассматриваться как гипотеза. Однако убедительно эффективной сферой применения этого метода является «обоснование стратегических управленческих решений», т.е. преимущественно институциональная сфера в качестве средства «социальной инженерии». Эффективной сферой применения нормативного прогнозирования большинство авторов предлагает считать оптимизацию ценностных ориентиров. Презентируемая классиками постмодернизма идея ризомы как множественности оснований анализа по сути является вариацией модели закономерного возникновения определенной стадии в любом развитом обществе, которое к тому же потеряло целостность, с определенными свойствами. Более распространенными и эвристически оправданными являются аксиологические, нормативно-целевые основания и идея моделирования. В природе ценности, как таковой, помимо оценочной и экзистенциальной, содержится прогностическая составляющая, которая корректирует поведенческое направление выбранное субъектом. Методология мировоззренческого доминирования определенных смыслов, их устойчивости позволяет говорить о предсказуемости направления усилий, которые будут предприниматься новыми поколениями. Вполне оправданными звучат в этом контексте слова отечественного экономиста В.А.Базарова-Руднева, который заявил об избыточности категории прогноза тогда, когда есть возможность планировать и осуществлять на практике. Вполне применимы для аксиологически ориентированного общества и социологические закономерности, но только в том случае, если всё общество реально ориентировано на одинаковые для всех «правила игры». Заслуживающей внимания в рамках нормативно-ценностной мотивации представляется позиция В.М.Бондаренко, который предложил критерий определения реализации нормативной идеи - время между возникновением потребности у человека и моментом её удовлетворения. Этот промежуток времени должен сокращаться – что и является критерием развития или деградации. Будущим при этом автор называет временной разрыв, приближающийся к нулю. Согласно концепции Х.Перельмана, ценности наиболее устойчивы при всех прочих изменениях в обществе, хотя и не складываются формализованную систему, всегда коррелятивны целям, которым они соответствуют или нет – и в этой функции ценности подпадают под логический ориентир истинности и вполне соединимы в систему, а, следовательно, возможен и нормативный анализ их пред-полагаемого

выстраивания вместе со всем органом их реализации. Особый статус в анализе оснований социально-философского прогнозирования представляется необходимым отвести диалектической традиции исследования природы социальных противоречий.

Следовательно, можно констатировать, что ни одно из приведенных оснований не может быть однозначно отвергнуто как необходимое для социально-философского прогнозирования, если он не абсолютизируется, если раз от разу конкретизируется область их эффективного применения. Каждое из оснований может рассматриваться как необходимое, но недостаточное. Недостаток эмпирической методологии выявления циклов, социальных законов состоит во всегда сохраняющемся зазоре между ожидаемым результатом и непредвиденными обстоятельствами. В связи с чем, «случайные тенденции в развитии общества могут быть приняты за закономерные, и построенные на их основе обобщения и предложения по дальнейшему развитию общества могут вновь оказаться ошибочными и привести к углублению... кризиса, к распаду системы»¹, если они не рассматриваются в отношении к цели, эффективности её достижения. Отказ от поиска универсальной методологии, применяемой для любого общества, не только не ослабил, но и даже стимулировал необходимость анализа концепций с точки зрения их эвристической ценности. Дескрипциям не удалось полностью вытеснить нормативность. И тем же позитивистам, равно как и посмодернистам не удалось освободиться от необходимости формулировать общие «правила игры» в научном исследовании.

В XX веке возникает традиция, в которой будущее не является улучшенным аналогом настоящего и эффект отражения уже не будет достаточным и исчерпывающим. Определённым знаком времени является то, что будущее носит пессимистичный характер, где «футурашок» становится общим местом, и «на долгосрочные прогнозы решаются лишь фантасты» в связи с ускоряющимся темпом жизни и с появлением эмерджентов. Но появление эмерджентов, т.е. событий, не имеющих аналогов в исторической практике привели к ощущению «тупика прямого продолжения». Оказалось, что в ситуации ценностной дезориентации «взгляда хватает не более чем на три шага вперёд»², опыт прошлого уже не является ориентиром, уместней скорее говорить о выявлении *диагноза*, чем о прогнозе.

Целевые установки в содержании прогнозирования нужно отличать от целей самого прогнозирования как процедуры. Само прогнозирование осуществляется в зависимости от интенций общественного сознания. В обыденной интенции «мы предсказываем будущее, чтобы его предотвратить» (А.Кларк), с другой стороны, мы предсказываем будущее, чтобы его одомашнить, чтобы привыкнуть к нему (чем обычно объясняется популярность астрологии³) (В.Гинзбург), чтобы преодолеть страх

¹ Прогнозирование будущего: новая парадигма. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 283с.- С.22-22.

² Хейзенга Й. Homo ludens. М, 1992. С.349.

³ Гинзбург В.Л. Астрология и лженаука //Наука и жизнь, 2008. №1.

неопределенности («страх властен над нашими поступками больше, чем надежда»), чтобы следовать типологизирующим конвенциональным установкам современного мышления. В рефлексивной интенции люди стремятся мыслить несуществующее как необходимый момент уже освоенного, в чём собственно и состоит механизм понимания, выявлять категориальные структуры и набрасывать их в мысленном эксперименте на любое доступное содержание, выстраивать мир в соответствии с собственными притязаниями и представлением субстанциального субъекта.

Литература

1. *Абдылдаев Т.* Философский анализ проблемы предвидения. – Фрунзе. 1984.
2. *Аверинцев С.С.* Будущее христианства в Европе // София – Логос. Словарь. – Киев: Дух и литера, 2006.
3. *Альбин.* Учебник платоновской философии / Платон. Диалоги.- М.: Мысль, 1986.
4. *Асеева И.А.* Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели: Автореф. дис... на соискание уч. ст. докт. философ. наук. – М., 2009. – 51 с.
5. *Асеева И.А.* Пророчество, как способ предвосхищения будущего. – Курск: КГМУ, 2006.
6. *Асеева И.А.* Рациональные и иррациональные аспекты обыденного предвосхищения // Философские науки. – 2004. – № 9. – С. 30-44.
7. *Асеева И.А.* Философско-методологические проблемы социального прогнозирования // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 229-240.
8. *Аскин Я.Ф.* Проблема времени, ее философское истолкование. – М.: Мысль, 1966.
9. *Аскин Я.Ф.* Пространство. Время. Движения. – М., 1971.
10. *Аристотель* Никомахова этика /Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
11. *Аристотель* Метафизика / Собр. Соч. в 4 – х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1975.
12. *Аристотель* Риторика /Античные риторики. – М. Изд-во МГУ, 1978.
13. *Аристотель* Физика / Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1978.– С. 185.
14. *Бауэр А., Эйхгорн В., Кевбер Г., Шульце Г.* Философия и прогностика. – М.: Прогресс, 1971.
15. *Бестужев-Лада. И.В.* Мир нашего завтра. – М.: Мысль, 1986. – С. 9-25.

16. *Бестужев-Лада И.В.* Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. – М., 1984.
17. *Бестужев-Лада. И.В.* Рабочая книга по прогнозированию. – М., 1982.
18. *Бестужев-Лада И.В. Наместникова Г.А.* Социальное прогнозирование. Курс лекций. – М.: Педагогическое общество России, 2001.
19. *Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А.* Технология прогнозных разработок социальных процессов. – М.: Поиск, 1992.
20. *Бергсон А.* Материя и память / Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992.
21. *Бергсон А.* Творческая эволюция. – М.: Канон – пресс, Кучково поле, 1998.
22. *Бердяев Н.* Царство Духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995.
23. *Блаженный А.* Исповедь. – М.: Возрождение, 1991.
24. *Бетяев С.К.* Прогностика: первые шаги науки // Вопросы философии. – № 4. – С. 3-13.
25. *Блюменкранц М.* Время анти-истории. Картина мира: дубль 2003 // Вторая навигация. – 2005. – № 5. – С. 9.
26. *Богданов В.В.* Категория диалектического противоречия и социальное прогнозирование // Образование. Экономика. Общество. – 2009. – № 3-4 (13-14). – СПб: Изд-во Национального открытого института России.
27. *Богданов В.В.* Экзистенциальный характер обыденного сознания человека в информационную эпоху. – Таганрог: Издательство ТТИ ЮФУ, 2007.
28. *Богородов Ф.Л.* Социальное будущее. К определению предмета социальной прогностики // Вестник МГУ. – 1974. – №6.
29. *Бэкон Ф.* Великое восстановление наук. Новый Органон / Собр. Соч. в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.
30. *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук / Собр. Соч. в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.
31. *Бэкон Ф.* О мудрости древних /. Собр. Соч. в 2-х томах. Т. I. – М.: Мысль, 1971.
32. *Васильев В.А.* Долгосрочное развитие сложных социальных систем (государств, цивилизаций). – М., – 1998. – С. 36.
33. *Васильев Ю.Я.* Эффект Эдипа и его гносеологический анализ // Философские исследования. – 2006. – №3. – С. 139.
34. *Венгеров А.Б.* Синергетика и политика // Общественные науки и современность. – 1993. – №4
35. *Волков Г.* Сова Минервы. – М., 1985.
36. *Гвардини Р.* Конец Нового Времени // Вопросы философии. – 1990. – №.4.

37. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. Сборник статей // Закон природы и структура материи. – М.: Прогресс, 1987. – С. 107.
38. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. – М.: Мысль, 1972. – Т.3.
39. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. Философия истории. – М.: Эксмо-Пресс, 2007.
40. *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа. – М.: Мысль, 1977.
41. *Гендин А. М.* Понятие социального будущего и его методологическое значение // Методологические вопросы общественно – исторического предвидения. – Красноярск, 1986. – С. 24.
42. *Гендин А. М.* Предмет и основные функции социальной прогностики // Философские науки. – 1985. – №4. – С. 41-49.
43. *Гендин А. М.* Социальное прогнозирование в интерпретации К. Поппера // Вопросы философии. – 1969. – №4. – С. 111-122.
44. *Гендин А. М.* Социальный прогноз: диалектика достоверности и вероятности // Философские науки. – 1981. – №3. – С. 15-23.
45. *Гендин А. М.* Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования // Вопросы философии. – 1970. – №5. – С. 80-89.
46. *Гоббс.* Избранные произведения в 2-х томах. – М.: Мысль, 1965. – Т.2. – С. 62.
47. *Гольц Г. А.* Прогноз в современном обществе. Идеи, содержательные и информационные основы прогнозирования социально-экономических процессов // Общественные науки и современность. – 2005. – №10. – С. 55.
48. *Громько Ю. В.* Основная проблема философии развития – имманентность и трансцендентальность // Философские науки. – 2008. – № 9. – С. 27.
49. *Гришунин В. В.* Возможна ли современная наука без интуиции. Модели творческой интуиции в контексте науки, философии, прогнозирования. – М.: ЛКИ, 2007. – 162 с.
50. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология /Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с
51. *Дворецкая Е. В.* Пророчество современной философии //Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003.
52. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии – СПб.: Алетейя, 1998.
53. *Досократики.* – Мн.: Харвест, 1999. – 784с.
54. *Дугин А.* Какое оно, будущее? Это как на него посмотреть // Наука и религия. – 1996. – №11. – С. 2-3.

55. *Зиновьев А.* Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
56. *Зобов В.А.* Образ будущего: опыт социолого-философского анализа. – СПб., 2001.
57. *Зотов. А.Ф.* Структура научного мышления. – М.: Политиздат, 1973.
58. *Зубаков В.А.* Эндозэкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания. – СПб.: ФРР, 2002. – С. 45.
59. *Жильсон Э.* Философия в средние века. – М.: Республика, 2004. – 680 с.
60. *Жиранден Л.* Исследования альтернативных картин будущего. - Руководство по научно-техническому прогнозированию. – М.: 1977.
61. *Жувенель Юг де.* Стрела времени и конец уверенности // Ключи от XXI века. Сборник статей. – М., 2004.
62. *Ильин. И.* Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2007.
63. *Казначеева И.А.* Социальное прогнозирование в условиях трансформации российского общества [Текст] дис... на соискание уч. ст. докт. социол. наук: спец.: 22.00.04 / И.А. Казначеева; Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2005. – 270 с.
64. *Кейн Р.* Человек перед лицом неопределенности // Неопределенность и свободный выбор. – М.: – Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003.
65. *Князева Е.Н.* Культурно-исторический мир ученого прорыв в незнание // Научный прогресс: когнитивные и социокультурные аспекты. – М.: Аврелевка Саунд Ник, 1993.
66. *Князева Е. Н.* Ускользящее настоящее // Человек. – 2009. – № 1.
67. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / Собр. Соч. в 6 томах. Т.6. – М.: Мысль, 1966.
68. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Собр. Соч. в 6 томах. Т.6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
69. *Кант И.* Критика чистого разума / Собр. Соч. в 6 томах. Т.3.- М.: Мысль, 1964.
70. *Карпунин В.А.* Нормативное социальное прогнозирование: критерий оптимальности. – М.: Прометей, 1999.
71. *Кевбрин Б.Ф., Кульков П.И.* Будущее. Перспективы цивилизации. – Саранск: Кооп. Ин-т МУПК, 1998. – 49 с.
72. *Кислов Б.А.* О функциях оценки в социальном прогнозе // Методологические аспекты социального прогнозирования. – Красноярск, 1981.
73. *Кларк А.* Черты будущего. – М.: Мир, 1966.
74. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Будущее и его горизонты: синергетическая методология в прогнозировании // Синергетика. Труды семинара. – Т. 4. – М.: МГУ, 2001.
75. *Ковалевская Е.* Компьютерные виртуальные реальности: философский анализ // Виртуальная реальность в

психологии и искусственном интеллекте – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998.

76. *Козлов Д.А.* Методология социального прогнозирования в условиях системного общественного кризиса [Текст]: Автореф. на соискание уч. ст. канд. филос. наук: спец.: 09.00.11 / Хралекно Д.А.; Нижний Новгород., 2000. 21с.

77. *Кондильяк Э.* Трактат о системах / Сочинения в 3 томах. Т.2. – М.: Мысль, 1982.

78. *Кондильяк Э.* Об искусстве рассуждения / Сочинения в 3 томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1983.

79. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М., 2002.

80. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М., 1993.

81. *Кондратьев Н.Д.* Проблема предвидения //Вопросы конъюнктуры. – 1926. – Т.2. Вып. – 1.

82. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Прогресс, 1974. – С. 158.

83. *Косолапов В.В.* Методология социального прогнозирования. – Киев: Наукова думка, 1981.

84. *Косолапов В.В., Гончаренко А.Н.* XXI век в зеркале футурологии. – М.: Мысль, 1987.

85. *Крушинский Л.В.* Проблемы поведения животных. – М.: Наука, 1993. – 320с.

86. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизация: теория, история, диалог, будущее/ Т.1-2. – М.: 2006.

87. *Ламарк Ж.Б.* Аналитическая система положительных знаний человека / Избр. произв. в 2-х томах. Т.2. – М.: Мысль, 1959.

88. *Ласло Э.* Макросдвиг (К устойчивости мира Курсом перемен). – М.: Тайдекс Ко, 2004.

89. *Леви – Стросс. К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983.

90. *Лейбниц Г.В.* Два отрывка о принципе непрерывности / Собр. Соч. в 4 -х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1983.

91. *Лейбниц Г.В.* Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла / Собр. Соч. в 4 -х томах. Т. 4. – М.: Мысль, – 1989.

92. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т.21. – М.: Политиздат, 1968.

93. *Лисичкин В.А.* Предвидение как комплексная проблема современной науки. – М.: Знание, 1967. – 356 с.

94. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении /Собр. Соч. в 3-х томах: Т. 2.— М.: Мысль, 1985. – 560 с.

95. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. – М., 1975.

96. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990.

97. *Лосев А.Ф.* Примечания /Платон. Собр. Соч. в 4 т. Т.1.- М.: Мысль, 1990.
98. *Люббе Г.* В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 94-13.
99. *Мазаник М.Н.* Новейший философский словарь. – Минск, 1999.
100. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. – М.: Логос, 2004.
101. *Маркс К., Энгельс Ф., Собр. Соч. в 50 томах. Т.3, 14, 23, 26.* – М.: Политиздат, 1959.
102. *Маслихин А.В.* Прогностическая функция в социальном познании //Автореф. дисс. на соискание уч.степ. доктора философских наук. – М.,1997. 33 с.
103. *Милль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. – М., 1914. – С. 830.
104. *Миронов В.В.* Философия, как самосознания культуры // Кто сегодня делает философию в России. – М.: Поколение, 2007.
105. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? – М.: Ульяновский Дом Печати, – 1999. 288с.
106. *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм //Вопросы философии. –1999. – №3.
107. *Музыка О.А.* Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы. – Ростов-н-Д: Издательство Рост. ун-та, 2006.
108. *Назаров А.И.* Опыт исследования координации группового управления. – М.: МГУ, 1970.
109. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика - психология - прогнозирование). – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 365. с.
110. *Никитина А.Г.* Логические условия истинности научного предвидения // Вопросы философии. – 1971. – №4.
111. *Ознобкина Е.В.* Образ будущего в философии Мартина Хайдеггера // Философия о будущем человечества. Анализ немарксистских концепций. – М., 1990. – С. 42-50.
112. *Ойзерман Т. И.* Возможно ли предвидение отдалённого будущего // Вестник Российской Академии Наук. – 2005. – Т. 75, – №8. – С. 720-726.
113. *Ойзерман Т.И.* Научно-технический прогресс: возможности и границы предвидения // Социологические исследования. – 1999. – №8. – С. 3-12.
114. *Ортега-и-Гассет. Х.* Что такое философия? – М.: Мысль, 1991. – С. 174.
115. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. – М.: Феникс плюс, 2006. – 448с.
116. *Пас О.* Освящения мига. – СПб.: Симпозиум, 2000.
117. *Паскаль Б.* Мысли. – М.: Эксмо, 2009.

118. *Пелепенко А.А.* Постмодернизм в контексте переходных процессов // Человек. – 2001. – №4.
119. *Перельман Х., Ольбрехт-Тытека. Л* Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987
120. *Петров А.Н.* Теория прогнозирования и планирования. – СПб.: СПбГУЭФ, 2008
121. *Платон* .Государство / Собр. Соч. в 4 – х томах. Т. 3. –М.: Мысль, 1994.
122. *Платон.* Послезаконие / Собр. Соч. в 3 –х томах. Т.3. Ч.2.- М.: Мысль, 1971.
123. *Пирожкова С.В.* Проблема предсказаний в социальной философии К. Поппера // Философские исследования. – 2007. – № 3. – С. 79-97.
124. *Поварнин С.И.* Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. –1990. – №3
125. *Поппер К.* Мир предрасположенностей и эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
126. *Поппер К.* Нищета Историзма. – М.: Издательская группа "Прогресс" – VIA, 1993.
127. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
128. *Поппер К.* Открытое общество и его враги // Международный фонд «Культурная инициатива». – М.: Феникс, 1992. – Т. 2.
129. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М., 1986.
130. *Пятигорский А.* Избранные труды. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
131. *Раматов Ж.* Гипотеза и прогноз в социальном познании (философско-методологический анализ). – Ташкент: Узбекистон, 1991.
132. *Рачков В.П.* Будущее в исследованиях французских буржуазных теоретиков. – М.: Наука, 1986.
133. *Рикёр П.* История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
134. *Родоначалники позитивизма.* / Вып.2. СПб.: Брокгауз – Ефрон, – 1910.
135. *Розов Н.С.* Историческая макросоциология: методология и методы: Учебное пособие. – Новосибирск, 2009. – 412с
136. *Рокич Р.* Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – 395 с.
137. *Рорти Р.* Философия и будущее // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 29–35.
138. *Рузавин К.И.* Методология научного познания. – М.: Юнити, 2009.

139. Рузавин Г.И. Методологические проблемы аргументации. – М.: ИФРАН, – 1997.
140. Рузавин Г.И. Неопределённость, вероятность и прогноз // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С.65–77.
141. Сартр Ж.-П. Проблема метода. – М.: Прогресс, – 1994.
142. Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. – М.: Молодая гвардия, 2005.
143. Сафронова В.М. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе. – М.: Академия, 2008. – 240 с.
144. Сергеев К.А., Слинин Я.А. Диалектика категориальных форм познания (Космос Аристотеля и наука нового времени). – Л., 1987.
145. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Издательство политической литературы, 1992. – С. 470.
146. Секацкий А. Прикладная метафизика. – СПб.: Амфора, 2005.
147. Сивирин В.С. Феномен социальной перспективы. – Новосибирск: Наука, 2002
148. Стегний В.Н. Теория и методология социального прогнозирования: Курс лекций. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. техн. ун-та, 1999.
149. Стёпин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей / Высокая технология и современная цивилизация. – М. 1998.
150. Степин В.С. Научные революции как точки бифуркации в развитии науки // Научные революции в динамике культуры. – Минск, 1987.
151. Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 5–11.
152. Стёпин В.С. Найти траекторию // Новая Россия. – 1999. – № 3.
153. Степин В.С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. – 1986. – № 4. – С. 39–53.
154. Стёпин В.С. Творчество культуры и прогностические функции философии // Диалектика научного и технического творчества. – Обнинск, 1982.
155. Стёпин В.С. Философия на рубеже веков // Вестник Академии Наук. – 1997. – Т.6, №5. – С. 387–395.
156. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. – М, 1996.
157. Сычев Ю.В. Проблема будущего в философском познании // Философия. Основы социального прогнозирования. – М., 1996. – С. 113–128.
158. Суворов О.В. Прогноз // Новая философская энциклопедия в 4 – х томах. Т.4.-М., 2000 – 2001.
159. Тавризян Г. Философы XX века о технике и технической цивилизации. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 23.
160. Тихонова С.В., Афанасьев И.А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы // Человек. – 2009. – № 3.

161. *Тинберген Н.* Социальное поведение животных. – М.: Мир, 1993.
162. *Торчинов Е.А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
163. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
164. *Уилсон Д.* История будущего. – М.: АСТ – 2007.
165. *Фахуртдинова А.З.* Философские, социокультурные и научные предпосылки возникновения современного социального прогнозирования // Основы социального прогнозирования. – Новосибирск, 2003. – С. 7–12.
166. *Феллер В.* Новый миф о будущем. – Самара: Самарский дом печати, 2000. – 256 с.
167. *Фейербах Л.* История философии /Собр. Соч. в 3– х томах. Т1. – М.: Мысль, 1974.
168. *Феофанов К.А.* О сценарном подходе к прогнозированию // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 67-74.
169. *Фетисова Г.Г., Бондаренко В.М.* Прогнозирование будущего: новая парадигма. – М.: Экономика, 2008. – 283 с.
170. *Фролов И.Э., Чусов А.В.* Прогноз и реальность // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2001. – № 5. – С. 42-69.
171. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Наука, 1999.
172. *Хайдеггер М.* Поворот // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 91.
173. *Хейзенга Й.* В тени завтрашнего дня // Homo ludens. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
174. *Храленко Н.И.* Философско-методологические проблемы прогнозирования [Текст]: Автореф. на соискание уч. ст. докт. филос. наук: спец.: 09.00.11 / Храленко Н.И.; Ленинградский Государственный Университет. – Ленинград, 1980. – 42 с.
175. *Чоран Э.* Подавленные мысли // После конца истории. – СПб.: Симпозиум, 2002
176. *Чижевский А.Л.* Земля в объятиях солнца. – М.: Эксмо, 2004.
177. *Шопенгауэр А.* Сборник произведений. – Минск: ООО Попурри, 1999.
178. *Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? - М., 1944.
179. *Штомпель Л.А., Штомпель О.М.* Настоящее как перерыв // Культура и время. Время в культуре. Культура времени. – Шахты: ЮРГУЭС, 2007. – С. 157-163.
180. *Шпенглер О.* Закат Европы. – М.: Айрис – пресс, 2003. –Т. 1.
181. *Элиаде М.* Космос и история // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 129.
182. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. – СПб: Алтея, 2001. – 334 с.
183. *Юм. Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Сочинение в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 238.

184. *Юревич А.В.* Асимметричное будущее // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 76.
185. *Яковец Ю.В.* Циклы, кризисы прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 448 с.
186. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974. – 586 с.
187. *Ярская В.Н.* Научное предвидение. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980.
188. *Ясперс К.* Истоки истории и её цель // Смысл и назначение истории. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
189. *Яцевич А.В.* Философия истории Г.В.Ф. Гегеля. – М.,: 1994.
190. *Albertson C.* Delphi and the image of the future // Future. – 1976. – Vol. 8, № 5.
191. *Gabor D.* Inventing the future Harmondsworth - Perguin Books, 1964.
192. *Hintikka J., Bachman J.* What if ... Toward Exellence in Reasoning. – California, 1991
193. *Marsch W.-D.* Cristliche zukunftshoffung und rationale zukunftsplanung futurum - Munchen, 1971.
194. *Polak F.L.* Toward goal of goals – Oslo – London, 1969.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5.
Постановка проблемы.....	7
Природа диалектического противоречия.....	13
Атрибуты диалектического противоречия.....	21
Разрешение (снятие) диалектического противоречия.....	24
Диалектика социальных противоречий.....	30
Социокультурные основания становления прогностической потребности общества.....	39
Эмпирические основания социально-философского прогнозирования.....	48

Априорные основания социально-философского прогнозирования.....	60
Литература.....	75

Богданов Владимир Владимирович,

Черников Пётр Юрьевич

**Диалектические основания
социально-философского прогнозирования.**

Научное издание.

Ответственный редактор: кандидат философских наук,
доцент Ороев Н.А.

ЛР № 020565 от 23.07.1997

Подписано к печати

18.01.2010

Офсетная печать	Бумага офсетная
Усл.печ. л. – 7,2	Уч.- изд. л –7,0
Тираж 300 экз.	Заказ №

“С”

**Издательство Технологического института Южного Федерального
университета,**

ГСП 17-А, Таганрог, 28, Некрасовский, 44,
Типография Технологического института Южного Федерального
университета
ГСП 17-А, Таганрог, 28, Энгельса,1